

№ 4 (906) ФЕВРАЛЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

В № 15 «Смены» за 1964 год рассказывалось о старшем прорабе одного из участков Всесоюзной ударной комсомольской стройки в Невинномысском Анатолии Никитине. А вскоре после того, как вышел в свет этот номер журнала, в жизни молодого инженера-строителя произошло большое событие. Он стал членом добровольческого фронта советских студентов и специалистов, которые по просьбе ЦК Молодежного фронта националистически оскорбленного Алжира отправлялись в Большую Кабилью, чтобы помочь алжирцам восстановить разрушенную французскими колонизаторами страну. Полюбов прорыва наши ребята в интернациональном лагере Уадия и недавно возвратились на Родину.

Корреспондент «Смены» попросил Анатолия Никитина рассказать, как жили и работали в Алжире советские добровольцы.

СЛОВО ВОЛОНТЕРА

— Впечатления, конечно, самые яркие. Вначале даже я, человек далекий от литературы, пытался вести дневник, но потом дело настолько взяло в оборот, что записывать было просто некогда.

Сказку открыто: когда принимал решение ехать в Алжир, то колебался. Я знаю промышленное строительство, все годы после института только на и занимаюсь, а в Алжире нам предстояло соорудить дома, культурно-бытовые объекты. Характер стройки совсем иной. Но сегодня понимаю, что мой опыт пригодился в Уадии. И вот почему. Конечно, главное для нас было строить. Но мы не хотели ограничиваться лишь рытьем котлованов для фундаментов, заготовкой стройматериалов, кладкой стен и бетонными работами. Мы решили еще и помочь алжирской молодежи овладеть строительными навыками, причастить их, больших энтузиастов стройки, к организованному коллективному труду. Здесь, конечно, опыт Невинномысского был не только не лишним, а просто необходимым.

Наш отряд, как известно, состоял из 100 студентов и 12 специалистов. Были ребята из Москвы, Ленинграда, Минска, Киева. Каждый участвовал в строительстве поселков на целине, владел строительной специальностью. Мне выпало стать главным инженером. Сначала только нашего, советского отряда, а потом и всего интернационального лагеря. Ведь в Уадии вслед за нами приезжали болгары, югославы, чехи, французы, немцы...

Одна из трудностей — название кызов. Представляете главного инженера, который изъясняется на пальцах? Я ведь не туристом был, которого всегда саживают с внешним миром переводчицы, да наш Саша Ровнов просто не мог всегда поспеть.

Другая серьезная трудность — климат. Жара. 43 градуса в тени, да где ее взять, тень, если днём-днем на солнцепеке? Работали мы в долинах. Место это лучше для строительства деревни, чем то, которое отводилось по французскому проекту — на крутом склоне. При этом варианте и затраты возрастали, да и планировка была запутанной. С нами согласился, и строительство было переведено в долину.

Приходилось жалеть и о том, что не было там у нас прожектора. Как вспоминался наш невинномысский штаб «комсомольского прожектора»,

Фотоочерк об интернациональном лагере молодежи в Уадии см. в «Смене» № 20 за 1964 год.

который и проективную документацию и стройматериалы выбьет! Я даже писал об этом ребятам в письме... Вые время, когда простаивали из-за отсутствия цемента. Волновались мы, конечно, ставили вопрос перед администрацией. И некоторые удалялись: кто мол, волнуетесь, ваше дело деловое, пусть у других голова болит за престол...

Нужно сказать, что члены советского добровольческого отряда работали порою по 9—10 часов, случалось — без восресенья.

Кстати, раз уж зашла речь об отношении к делу, хочу рассказать об одном случае, который тронул меня до глубины души. Да и не одного меня...

В минском отряде был студент политехнического института Миша Григорьев. Работал на «АГЗ-51». Миша — прекрасный ремонтник, называл механизмы, что называется, в две счёта. Мы привезли с собой бетономешалку, но они были небольшими, а размах работ требовал увеличить подачу бетона на площадке. В 130 километрах от Уадии была нужна нам большая бетономешалка. Возникла проблема с ее доставкой. Единственная проблема: центр тяжести бетономешалки находится высоко, для ее перевозки нужен специальный автокар. А где его взять? Кроме того, дорога. Узкая, извилистая, между скал. Малейшая неосторожность — и катастрофа.

Миша Григорьев взялся доставить бетономешалку на свои «АГЗ». Семь часов с опасностью для жизни вез он необходимый стройке кран. Семь часов самоотверженности, мастерства, концентрации всех духовных и физических сил.

И доставил! Весь лагерь поздравлял его. А алжирцы подарили Мише набор пластинок «Песни о волонтерском труде» с надписью: «Нашему брату...»

— В 1965 году в Алжире состоится Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Можно ли считать, что интернациональный лагерь в Уадии стал одним из этапов подготовки к фестивалю?

— По-моему, это бесспорно. Ведь лозунг фестиваля в Алжире — «За солидарность, мир и дружбу». И этот лозунг нашел самое конкретное выражение в нашем лагере.

— Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— Сказку сразу: алжирцы встретили нас очень хорошо. Сердечно принимали, рассказывали о своей революции, с благодарностью отзывались о Советском Союзе.

По мере разрывания строительства возникли все серьезные организационные проблемы. Когда к нам присоединились алжирцы, то получилось, что они в основном были заняты на земляных работах. Работа ведь специальностью не имела. Я регулярно, по опыту Невинномысского, проводил бригадирский час, на котором решались все проблемы рабочего дня. И однажды наши добровольцы поставили вопрос так: пусть каждый алжирец работает в паре с советскими строителями. Земля — значит земля, кладка — кладка, бетон — бетон. Цель была проста: покончить с разделением на подсобных и основных рабочих. Не скажу, что эта идея была сразу правильно понята и воспринята.

Но договорились: попробуем и посмотрим, что получится.

Вышло хорошо. И наши и алжирские ребята загорелись. Процент выполнения норм пошел вверх и настроение — тоже.

Работая вместе с алжирцами, советские добровольцы самым серьезным образом обучили и Вот мы уехали, нас теперь нет в Уадии, и из многих объектов нас заменили алжирские друзья.

Трактористом работает Муруз, которого обучил Иван Солосхович. Кузнецом стал Белал. Его «трастил» Николай Ходковский. Григорий Бочаров и Анатолий Риктея научили работать на электростанции 15-летнего Али. Многие алжирцы стали квалифицированными каменщиками.

Наши ребята учили их с удовольствием, видели в этом свой прямой долг. И Муруз, и Али, и Белал, и десятки других молодых алжирцев платили нам глубокой привязанностью. Приезжала однажды в лагерь группа французских журналистов. Потом в одной из газет они назвали нас, советских представителей, так: «Эти 112 комиссаров...»

— Подразумеваю под эти убежденности!

— Корауе одержимость. Намекали на тот латинский запал, который нас каждый из алжирцев. И это так, от этого никуда не денешься. Потому что это сама жизнь.

...Мы привезли алжирцам дар новороссского комсомола — мшочек — исполовственный пушик, искропанной разрывам снурдов почвы. С Милой земля. Это гитича? Это жинь. Для нас это святая земля, и мы, как самое дорогое, вручили ее революционной молодежи Алжира.

Ребята из Алжира вместе с добровольцами из разных стран смотрели наши фильмы, а мы не учились, петь революционную песню «Я алжир». Это пропаганда! Это — существо, смысл наших отношений с прогрессивной молодежью разных стран.

И поэтому не удивительно, что нам было трудно расставаться. Я никогда не забуду, как расцеловал с нами помощник команданта лагеря Ладер, участник алжирской революции, человек, прошедший сквозь страшные застенки, перешошк пытки. Я подошел к нему: «До встречи, Ладер. Он — к плечу, глаза влажные...»

И так очень много. Но что уж наши ребята не sentimentalны, казалось, а тоже... — Значит, слово «доброволец» останется в доброй памяти алжирцев!

— Нас называли волонтерами. Ходили мы в волонтерской форме. По словарию «волонтер» означает всякий доброволец, но мы предпринимали навсегда оставаться волонтерами труда. И готовы представлять свою Родину везде, где наша помощь нужна, где она нужна народу, молодежи, делу революции.

СОЛИДАРИЗМ

ВОЗВРАЩЕННАЯ ТИШИНА

М. НОВИКОВ,

инженер-подполковник

Лазурное море с белым кружевом прибоя у берега. Буйная зелень пробковых дубов на склонах гор. В долинах — золотистая пшеница и обрамление от многосемянных плодов рощи апельсиновых деревьев. Богата и красива свободная алжирская земля.

Но что это? До нас доносится тяжелой грохот взрывов. Неподатку медленно двигаются с тяжелыми трапами танковые тягачи. Время от времени они окутываются пламенем и клубами густого черного дыма. Кажется, что даже слышен свист осколков...

Да, здесь идет самая настоящая война, хотя формально она кончилась еще весной 1962 года. Французские генералы, уходя, оставили страшное «наследство» — они густо заминировали территории Алжира с Марокко и Тунисом. Общая длина минных заграждений — около двух тысяч километров. Встречаются участки, где на один километр приходится двадцать тысяч мин. Здесь и небольшие, похожие на школьную чернильницу «ангиды» — их пластмассовый корпус не в состоянии обнаружить никакой минаискатель, и грозные выпрыгивающие «бомбидисты», чьи осколки летят на полкилометра.

В борьбу с этой грозной опасностью вступили советские воины. Они прибыли на африканскую землю по просьбе главы алжирского государства Ахмеда Бен Беддла.

— Бржууча здесь много не сделаешь! — решили саперы, онакоминившись с алжирскими минными полями. — Пустим вперед танкистов.

— Ну, кто пойдет вперед? — спросил полковник Назюмов.

Вызвался комсомолец младший сержант Петр Листруков.

Танковый тягач двинулся на минное поле. Сзади на тротурах танкулись морф-кошки для каравла мин втяжного действия. С гудком грохотом встал столб огня, за ним еще и еще...

С минного поля машина вернулась с осколочных вмятинах, со срезанной антенной и разбитыми триггерами.

— Когда под танком срабатывает мина, будто кто кувадой бьет по броне, — рассказывал Листруков. — Уши закладывает...

— Таки не должен идти по минам. Людям тяжело, да и техника быстро выйдет из строя — таково было общее мнение.

Уже к следующему утру умельцы изготовили нехитрое приспособление. Теперь тягач шел сбоку минного поля, а кошки были уперены на выносной балке сбоку машины.

Однако большинство мин было под колочей проволокой, тысячи километров которой нашла французские «умиротворители».

«Будем стигать проволоку тягачем в сторону», — решил подполковник Галкин и майор Ломакин. Попробовали. Получается. Подсчитали производительность. Несколько сотен метров в день. Мало!

— Нужно тянуть проволоку вдоль полоски! — высказался Ломакин. — Но как это осуществлять?

— Может, по принципу морских трайпиков? — ероша белый чубчик на голове, предложил старший лейтенант Анатолий Уалтин, самый молодой из советских офицеров на алжирской земле. Несмотря на молодость, за его плечами 25 тысяч обезвреженных на Смоленской и Белорусской земле мин, снарядов, бомб.

— Между двумя тягачами натянуть толстый стальной трос. Машини пойдут вне минного поля, а трос, как морской трал, будет снимать проволоку.

После первых испытаний из тягача вылез неутомимый Анатолий и поднял вверх большой палец:

— Отлично!

...На глазах растет куча проволоки, стальных кольев и сухой травы. Она все время подрагивает и курит-ся дымом от срабатывающих мин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорок второй
Выходит два раза в месяц

4 (906) ФЕВРАЛЬ 1965

Железобетонными постами, колючей проволокой, десятками тысяч мин пытались сдержать колонизаторы национально-освободительное движение...

Танк-тракторы на минном поле.

— В маске взрыва не страшно! — говорит сапер Иван Безулов своему алжирскому ученику.

Победители грозной эфы.

Неожиданно над большой, в два человеческих роста, кучей запылали огненные ленты — она загорелась от взрывов. Натруженно взрели дизели. Тягачи несколько раз дернулись и замерли. Стояли в стороне мемы алуштайский трос.

Ямки пламени уже начали лезть за броню, запырилась краска. Что делать? Звать по радио помощь! Поодно! Выскочить из машины! Кругом мины, да и подступит машина, взрывные да тысячи километров. Для размышлений оставались считанные секунды. Тогда шагнул младший сержант Виктор Андруша, выскочил из люка. В пламени и дыме, прерывисто поднимая, что в лоб, мгновенно может пронзойти взрыв, он быстро отсоединил трос. Тягачи вышли из огня...

Но вот после нескольких рейсов тягачей под катками тракторов уже не оставалось черно-белых сугатиных взрывов. Это не значит, что мины полностью обезврежены. У части их отсыревшие взрыватели не сработали. Тогда на поле вступают тягачи с тяжелыми рыхлителями, вспахивающие вынесенную минами землю.

Затем наступают одна из наиболее ответственных работ — сбор мин.

Да, да, не удивляйтесь! Пластмассовые противопехотные «агиды» лежат на вырыленном поле, словно картошка.

Сначала мины «вызлавливали» с помощью сачками на длинной ручке. Потом на тунической границе умельцы предложили заменить сачки специальными «лапами» из стальных прутьев, тоже на длинных шестах...

Работа приближалась к концу. Вздымая тучи пыли, возвращались с минных полей последние тягачи-тракторики. Механики-водители весело брызгались под полевым душем. Неожиданно около стоищего тама раздалась громкая крики. В воздухе замелькали палки. В чем дело?

Тотчас же все выяснилось. Оказывается, алжирский воин — джууну Дрис Минир увидел в траве странную серебристую эфу, подбирающуюся к лежащим тамакам. Схватил палку, алжирец бросился на землю. На помощь поспешил сержант Ахмет Метнан и джууну Будузи Зин. Схватка была короткой. Вокруг мертвой змеи сразу же собралась толпа.

— Неужели не боитесь, Дрис? — спрашивала советские воины, рассматривая острые зубы даждитой змеи. — Ведь укусы эфы смертельны!

Минир затенчиво улыбается:

— Змея могла укусть рус-джууну. Когда опасность грозит братьям, разве можно думать о себе!

За много тысяч километров от Родины несая в Алжире свою нелегкую службу советские воины. Непривычны климатические условия — жара, пыль. Адамьянов — сколко съезд. Картонка же на бед — праздник. Понавине сюда из России черныи хлеб и седеку как редкий деликатес делат по-братски на крошечные кусочки — чтоб всем досталось. Но сознание важности дела, теплое, дружеское отношение алжирцев скрашивают тоску по дому.

Однажды с механиком-водителем Юрием Железниковым, скромным белокурым паренком, случилась неслучайно. Ремонтируя двигатель трактора, он поскользнулся на капельке масла. Тяжелой броневой крышкой ему придавило на правой руке пальцы. В госпитале города Аинаба болгарский доктор Каджнев частично из ампутировал. После госпиталя Юрию хотеван отравить в Советский Союз. Но он сказал:

— Прощу оставить с товарищами. Я готов на любую работу!

До призыва Железников учился на

курсах шоферов. За короткий срок в Африке он стал одним из лучших водителей.

Дже, суворые и неумолимые дорожные полицейские широко улабады и мгновенно открывали путь советским автомобилям. Как-то несколько советских офицеров-минеров ехали по горной дороге недалеко от алжиро-марокканской границы. Бремя было тревожное. Агенты колонизаторов стремили из-за угла в Девятей Фронта национального освобождения, подстрекали остальных своих насаждений к выступлению против иракчиства.

—Крутой поворот. Машина вздрагивает и резко останавливается, почти уткнувшись радиатором в стоявшую на дороге легкову (дождь), который в это время тщательно осматривают автоматчики, поднимают осканот, крышку багажника, опухляют карманом высокого щеголеватого одетого мужчине в красной марокканской феске.

Мы молча переглаживаемся. Пока неясно, кто это: вполне возможно, что банда террористов. Из «оружия» в нашей машине лишь листошметы-защипалки. По суворым лицам товарищей ясно: обьяснить не позво-

Автоматчик с черными усиками открывает дверцу автомобиля. С облегчением замечаем у него значок народной полиции.

Кто так же? Уава, что султ советские специалисты по разминированию, полицейский широко улыбаются, и, козырнув, машет рукой — проежайте!

Как-то к советским специалистам пришла замочная сумочка старика в белой чалме — староста ордон из деревни. Он что-то быстро говорил, часто прикладывая правую ладонь к сердцу. Понять можно было только немногие слова: «Колоден, вода, лето...» Отправившись в колону, Он был заминирован. Французские кононваторы, даже уйдя из Алжира, продолжали вести войну против мирного населения. В заминированных зарослах колоачей проваляли табачек много шота. Спасение замучившихся домашних животных стало привычной, хотя и чрезвычайно опасной работой наших ребят. Но любая опасность, самый невероятный риск искушали слезами благодарности на глазах спешивших от нищеты крестьян. Не раз советские танкисты вспоминали свою мирную профессию трактористов, разравнивая по просеке фелдахов неподатливые каменные уступы. В таких случаях к танку вперед прицепослабывали нож баулдозера. Такой «сельскохозяйственный агрегат» за час выполнял работу, которую фелдах со своей мотыгой не сделал бы и за долгие месяцы.

Причину неизменно доброжелательного отношения алжирцев к советским людям хорошо объяснил мэр города Марья (родины президента Бен Бельму), где была база одной из групп по разминированию.

— Мы убедились, — сказал мэр, — что русские друзья помогут нам всегда и во всем!

...Воль распахнутой миной подосаждельно, динамитом опухляем глазами каждый квадратный сантиметр, кладу людей. Они собирают камни. Рядом бок о бок трудятся советские и алжирские минеры. В конце дня собранные мины взрывают — и в воздухе отгрохотали огнивные столбы. Они служат как бы салютом мужественной работе советских и алжирских военных специалистов.

Фото автора

СОЛДАТ ВСЕГДА СОЛДАТ

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

г. Петроаводск.

* * *

И снова пьянит закатом
Полынная тишина,
А день в сонной жутг закате,
И сумерек тень длинна...
Вновь тусклые волны лижут
Ладонь песчаной косы,
Я все это вижу, вижу
Связь годы и сквозь часы.
Не раз зеленили склоны
Овражных прибрежных рощ,
И пыльно дымилась циклоны,
И ветром гудела роща,

И в шпалы стучали колеса,
Как извильно стучит вихор,
Но в шепот речного плеса
Я не прирять не смог.
И снова дрожат зарницы
У дальней речной косы,
И снова луна зернилась
В зрачках голубой росы,
И пахнет попольные терпко,—
По-старому все без меня,
И только на мне гимнастерка
И кожаный хруст ремня.

Хотела ты, чтоб я ученым стал,
Хотела ты, чтоб я известным был,
Чтоб подняли меня на пьедестал,
И чтобы я тебя одну любил.
А получилось все наоборот:
Я не ученый — может быть, не смогу...
Я лишь солдат. И вот иду вперед
Тяжелым шагом кованых сапог.
Тебя, пожалуй, я давно забыл,
Не знаю даже, где сейчас твой дом.
И вот, как видишь, с горя не запиш
И даже не желаю ни о чем.

Живу я там, где долгов волчий след,
Где ароматы елей так горьки...
И иногда
Я вижу твое рассвет,
Что мы с тобой встречали у реки.

Однокласснице

Листья, листья, падать перестанете.
Время летать, как детский мячик...
Знаю: на забытом полстанке,
Где-то там домишко твой мячик.
Ты читаешь книжки малым детям
В маленькой пристанционной школе.
Как-нибудь мы все ж к тебе приедем,
Просто так, ну повдаться, что ли.
Посмотреть, как ты в тайге окрепла,
Как сплывают две косы густые,
Как смеет над землей орешной
Красноватым елкам Россия,
Как стучит железная дорога,
Звонко стрелок разведая суставы,
Как уходит далеко-далеко
Соснами грузные составы.
Мы посмотрим на простые вещи:
На вагоны и на эстакады.
...Ну, а ты нас поминишь в это вечер!
В этот тихий вечер листопада...

* * *

Стояли вы когда-нибудь в подъезде!
Скажите, кто же не стоял из нас...
Когда светает,
Тени вверх полезли,
Когда сменился ранним
Поздний час.
Когда за нею тень скользит покорно,
И слышен каблучок негромкий стук,
И незаметно тает на погозах
Тепле все таких знакомых руги!
Еще и день грядущий не разгадан,
И ночь еще засыпала на посту,
А вы вытме, промоваж взглядом
Свою одну вечернюю звезду.

Виктор МАКСИМОВ

г. Ленинград.

Маки

Улететь хотели
Маки, словно птицы,
Их казалось, только
Со степля спуск...
Зеленые погоны
Да черные петлицы,
И до своей границы —
Личь Польшу перейти.

Там, как встанут маки,
Большие, словно флаги,
Выйдешь в поле поутру,
Ну, черт из разберет:
То ли под солнцем
Качаются маки,
То ли демонстрация
По земле идет.

А в России где-то
Шли полины по воду
По самую маковку,
Уверю вас,
Было мне грустно
По этому поводу,
И с макубуржских маков
Не спускал я глаз.

Так они вылизывают,
Краснойтой чиню,
Так горлят чью-то
Хорошие стихи,
Что девчата высочат
На крыльцо спресьны —
Подувают из зрачки
Вернулись женихи.

Мне у этих маков
Не спалось, не елось:
Стой да по уставу
Службу несн...
И все же до зарезу
Мне рассказать хотелось
Про то, какие маки
У нас на Русь.

Не шумите, маки,
Девчонки спали маки —
Пусть послет девчонки —
Не за эти ли сны
Стоим мы с оружием
У немецких маков,
По самую маковку
В Россию влюблены.

Юрий КРАСАВИН

г. Ленинград.

Там, где в травах промякуют росы,
Притупив постодемо огни,
Отдыхают маршевые роты,
Расстегнув шинели и ремни.
С ними я делю и хлеб и порох,
И от них мне сердце не таить...
Вспыльчивым не тронут разговором
Письма непершедшие — твои.
Милая,

Письмо пишу тебе я,
Под сочувствие моей веселой роты.
Ты прости нам, стриненный «влюбляем»,
Всю неловкость слов и оборотов,
Встань травы по команде «вошло»,
Улыбнись солнечным лучам.
Отменяя будущие войны,
Мирный ветер в окна постучал...
Ты прости!

Раскрой резные ставни
И увидишь: руки синь-ветров
Поднимают молодые стан —
Поздник птиц и ранних обвалов.
Ты вглядись в солдатские дорожки,
Ты вглядись с любовью в чистинем
И найдешь: глаза мои нестроге,
Вдоволь переполненные счастьем.

Мирный

На фоне неба — громадная птица. Она низко присела, нахлопнулась, угрожающе поджала крылья и клюв. Люди под ее нажатием заилипутали. Это гидросамолет. Он может в бескрайнем море находить корабли, а в глубинах отыскивать подводные лодки, атаковать противника и спасать потерпевших кораблекрушение.

Сегодня он на суше. Приставные «ноги» — колеса — помогли ему выбраться из воды. И здесь около него суетятся, словно муравьи, мотористы и вооруженцы, прибористы и электрики. На высоченной стремлине работают двое. Они подвешивают под широким крылом ориентирные авиабомбы. Когда гидросамолет обнаружит подводную лодку, они будут сброшены. Ночью на

воде вспыхнут огни, днем расплывутся ярко-зеленые пятна, хорошо заметные с воздуха даже в шторм.

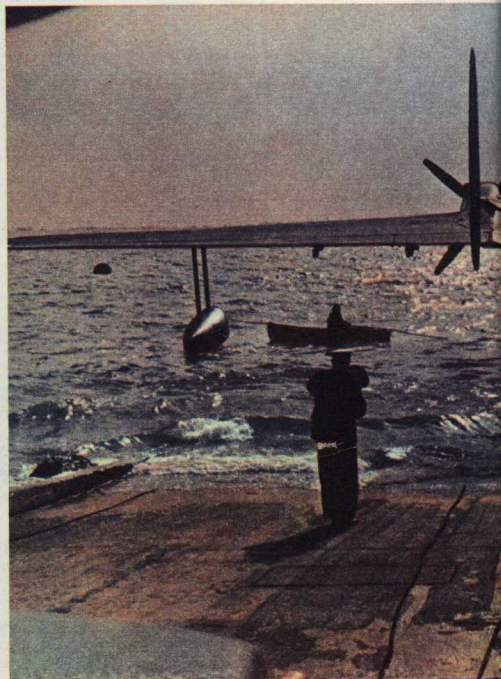
Наконец закончены приготовления, принят безопас, проверены многочисленные приборы. Автотягач берет самолет на буссир.

Кочнчилась бетонная полоса, впереди — море. Автомашина переходит и хвосту самолета. Теперь она то подталкивает его и вода, то сдерживает ускорившийся бег — дорожка идет под уклон. И вот уже гигантская птица плавно понижается на волне. К бортам ее подходит две шлюпки, тросы торопливо отдают крепления шасси и оттачивают колеса в сторону. Буссирный катер легко уводит гидросамолет от берега. Тем временем тягач помогает матросам выкатить на берег остроглен-

ные тросами колесные пары. Дружно работают морские авиаторы. Не успевая перестать машины уйти на предвзятельный старт, а на воду спускается следующий гидросамолет.

Внутри огромной машины очень тесно: вокруг множество механизмов, щитки с приборами, скорострельные авиапушки, радиоэлектронные станции, поносная аппаратура. Вся машина разделена переборками на водонепроницаемые отсеки: в случае пробоя это поможет ей остаться на плаву. В каждом из отсеков электроплетенные трубопроводы и кабели, трос и расчлен.

Тихиной разорвал гул мотора. Самолет двинулся и предвзятельному старту. За морью потонула безвипный след.

ДЕШЕВЫЙ

— К взлету готов! — по радио сообщает пилот на командный пункт.

— Взлет разрешаю!

Машина, содрогаясь всем корпусом, рванулась вперед, зарывага по ставням местным, как булыжники, волнам. Из-под днища поднялся раздробленный в пыль взрыв. Еще секунда, и гидросамолет оторвался от воды. Оставляя дымный след, машина заскользила над морем.

Долгие часы идет над водой самолет. Экипаж непрерывно осматривает воздух и море, напряженно следит за показаниями приборов. Может быть, где-то здесь движется темная черточка корабля, оставила едва заметные следы кильватерных струй, или, скрытые толщей глубин, скользят подводные лодки «протвинки». В лю-

бую погоду никто и ничто не должно остаться незамеченным. Для этого гидросамолет и послан нести дозор в бескрайние просторы моря.

— Слева по курсу 30 градусов — цель! — докладывает оператор. — Предполагаю, подводная лодка!

— Понял. Выходим на цель!

Самолет стремительно сблизился с кораблем «протвинка». Но лодка тоже обнаружила самолет и спешит скрыться.

— Подводная лодка погружилась! — докладывает штурман.

— Ставим радиобуй! — решает командир. — Привести расчет на постановку! И вот один за другим сброшены радиогидроакустические буи. Они прослушают глубины и, как бы ни

маневрировала подводная лодка, все данные о ней передадут на самолет. Отсюда сообщения поступят на командный пункт противолодочной обороны, на самолеты-торпедоносцы.

— Прослушиваю работу буя номер два! — сообщает штурман.

— Заходим для атаки! — отвечает командир.

А лодка тем временем стремится уклониться от преследования. Она то стопорит ход, то резко отворачивает в сторону. Но ни на секунду не теряют ее след авиаторы.

— Сбросил глубинные бомбы, цель накрыта! — звучит в наушниках голос штурмана.

Еще одна цель успешно поражена анжипанем. Пона условно.

Штурман выводит машину на цель.

Гидросамолет спущен на воду.

Под широким крылом — гроздь ориентирных бомб.

РАССКАЗ

Морской ветер хватал за ворот, дул с плеч набухшую шинель. Леняка по-бычьему упирался, шел головой вперед. Перед глазами, как поковыри, раскисивалась разбитая мартовскими дождями грейдерка. Плохались в грязь, мелкани латаными задниками кирзовые сапоги Волокушина. Всею ночью на всем пятидесятикилометровом переходе ковылял перед Ленькой волокушинская спица, и, словно надулся на сафубу, снова и снова начинал бубнить волокушинский голос:

«Мы с тобой случайно в жизни встретились...»

А сейчас Волокушин лишь хрипел. Видна была Леньке только часть его спины и сансаевич справа, почти до земли, колотивший по голенищу здоровенный кусок конской грудины.

Леньке тоже досталось с полудня грудины, когда по радиоку расквисту на колонии выскочил «мессеры» и побили лошадей в пулвазювде. И Муха уринул, расквисту, перешагивая солдатский шал, как тяжело тащится сзади прозванный так за вертлявость бывший лейтенантский свизной. Стаи он безхозным. Лейтенанта убило при налете, и Муха прилепился к Леньке и к Волокушину.

Гдето уже полыхала в печак солома. Стаскивались сапоги, разматывались портинки, и устоявшие запахи чужого шила перешагивали солдатский потом... А Ленька все плелся к Волокушину. И не было уже ни маршевой роты, ни взвода. Бесконечной шибоботой улицей тянулось вдоль грейдера оставленная немцами накануне стани-

вале за хатой. Если б не Волокушин, затевающий потиски голодари, бы они и сморили море едари бог-восте сильнее дней. Едонию — так звали женщину — не знала, что за ночь немцы оттащили верста на пятнадцать от станицы.

Ленька полуделал на соломе у стени. Рядом коркавил Муха. Волокушину в саде, подвора четинистый подбородок, и Ленька слышал джюмоту слышал его разговор с Едонию.

Все восте в губе не похоронена. В сорон пером-такое творилось... Жди.

— Мужикам легко ридать, — вздохнула она. — А в пять годов меду. С Финской.

— Мой тоже одна. А может... Да я не осуждаю.

Жить надо.

— Вот все вы такие. Истает. А как жить? Сегодня тебе, завтра... Сердца не остается. А мне уже тридцать.

— Все одно, жить надо, — упрямо говорил Волокушин, — вон смотри, какая ты ладная...

Разбудил Леньку ударивший в ноздри числовой запах вареной конины. На столе гуляло паровое чинисовое, пропеллицианым ризмичным корыто. Горой лежали в нем бурые куски.

— А! Что? — вскошил, затисе стрименной птичьей головой Муха. Улетисли маленькими черными глазами за корыто, проворно выхватили кусок конины и обманился, перебаривая в грязных лапках, стал раздирать зубами. Ленька тоже вскошил, наткнулся на хмурый взгляд Волокушина, остыл.

— Иди, Едонию, — позвал Волокушин, — чего киметесь там?

— Муха вырвался из рук матери, подбежала, влезла ему на колени, диновато уставилась на

ца. Рота растеялась по целешшим хатам. И лишь они все еще не нашли, куда притутиться. Везде было полно.

Ленька отворачивался от дегравшегося на весу грязно-розового куска мяса. Но все равно не переставало видется ему, как колочеч в котлеке варю. Не отставал, висел следом душный его парон, и тижелела Леньничина голова... Гдето за полсотни верст продривалась сквозь плавию отставшая ротная кухня. Солдаты шарили по степи, по разрозненным буртам — искла каршоку, бурани. Труани меша вымалела на Тамани. По нузуа везли мощные военные грузинки, вывалились из сил обломие лошадей, фронте требова и главнее без чего не мог жить, — босприпасос. Каждый день роту обгоняла вереница усталое плетущихся людей. Шли они и шлюк у ного снаряды за плечами, у ного ящик с патронами... И не предиделось конца этому — хорошо дралат немцы, никак не успеваля за наступающими частями тыла.

Из окна с закопченными стеклами на Леньку глянуло большызлазое кичицие лицо. Ленька отпринул, поняв, что видит самого себя. Волокушин возился у двери с ризамы амбарным замком. Заскрипели петли. Один за другим трое прокукули в сенцы, прошли в хату с низким потолком и земляным полом. Посреди стока стол, валялся табуретка. Черно силам над кучей низкая ластя печи.

Молча постаскивали автоматы. Конину свалили на стол. Затолпались в печи. А когда запылаво в ней и розовато засветились стены напартив, от тепла и дохнувшей в лица уютности еще ностеримее стал голод.

— Эй, канитель, — звякнул дужкой котелка Волокушин, — изази бы запривити! Да где найдеш? Бросили хату люди. А момент, их... И осенял вруг, вспония что-то... Тут поблжарети, должины быть хозелав! В замке на двери торчал ключ с красной тряпичкой. Я еще подумал...

Женщина горбилась у поддувала, дула на огонь, и лицо ее изаллось Леньке кипричанин. Жалась и ее округлому бедру светловолосая девочка в дярварю, не по русту ноге. Жадно прислушивалась, как бужало в выварке, Юлька. Нашли их в под-

Леньку. Степонию подошла Едонию... Руки потнулись и мсыу. И уже ничего, кроме этого мсыу, не видел Ленька. Словоно пропали куда-то сидевшие рядом люди. Не было ни войны, ни серого мартовского дня за окнами. Горячие конины ворочались во рту, не давали думать, проталивались в горло, и с ними вселалась в тело сила и утихимиривалась внутри сосущая боль... Потом боль исцелза соевом, и Ленька надуг помышляла, что конина жесткая, как резина, и противно сладкая, без соли... Хоть бы каллю солонку подували, морщась. И снова вези Волокушину, Юльчу, Едонию... Волокушину тоже морщился, и еще бургисте становился его мисистый нос и глубокое на лбу. Перевазнало до бровей Юлька ерзала у него на коленях, по сматриала на вату.

— Ну что, гора ты мое? — с досадой сказала Едонию, онуившись от какич-то тайных мыслей. Лице ее розово запалилось. — Ниселав! Забавля на печу! — И начала торопливо сбрасать ности под нетерпеливым мужичным взглядом Волокушину.

Ленька вылез из-за стола, подбил босыми ногами развороженную солому в угул, лег. Слышалось звякнуе ностей в корыте и хлопкое посасывание мяса. Обсасывал молси.

— Ну что, — подмигнув Леньке, поклопал себя и жавуля, — не бойся, вот видишь, корыто у меня, а! Раскалзайт кому на граждание, не поверили б. Да, война — это не пионерский поход. А ты, небось, еще недавно в пионерках числился? Ты что, добровольцем пошел? Чего молчишь? Добровольцем!

— Ну, пошел, — буркнул Ленька.

— Дурак. Еще б мог на граждание порезвиться! А тут ведь как! Или в народоиздари, или в народоиздари. Я лично в народоиздари. Люблю на мистылях протястных спать. Подвигались... Втиснулся между Ленькой и стеной, начал ковырять солоньими в такую вот слепоту, воявать. Летом еще куда ни шло. Ну да ладно. Пострелю велье, лето, а осенью в госпиталь...

Ленька повернулся на бок, прикрыл глаза ушами. Возмался за столом Едонию. Молчала Волокушину. И долго еще разговаривал сам с собой сытый и довольный жизнью Муха.

— Подем, подем... Выступаем. Посыльный приехал.

Была в шинели, в сапогах Волокушин, словно и не ложился. Леняма встал, растолкал Муху, и они замялись по хату, собирая пожитки. Скрестив руки, молча стояла у порога Евдокия. И там же молча смотрел на нее дождавшийся их Волокушин. Уже делаясь, соборясь выходить, как вдруг налетела Муха на остатки вражьей коныны на табуретке у двери. Развязал мешок, стал набивать мякоти.

— Что делаешь? — захохотал Волокушин. Схватил Муху за ворот, отшвырнул. Муха по-исповеднически и, пригнувшись, пошел на Волокушина.

— А завтра ирять мне кто даст?

— А завтра ирять мне кто даст? — Муха отлетел и стоял, ослеп и, обхватив голову, заплакал жестко, бесшумно.

Леняма шагнула в сенцы. — Ты хороший, да? — размазав слезы, выкрикнула Муха. — А я сволочь? Шуэра? Да сам ты... Не лучше ты, поиня? Я мешок хотел забрать, а ты... Думаешь, не видел, как ты к ней клялся? Борюга ты, вот... —

Он нахлобучил свамизированную шапку, схватил автомат и, двинув сапогом вперед, выбежал. Волокушин смеялся в угол. Замыкая на нем Леняма. Евдокия стояла бледная, закусив губу и, казалось, готова зарычаться.

Леняма шагнула в сенцы. — Ты хорошо ирять, и канни разу еще, сильно пахнет прелой землей. Набо оминка, иретьеветесь густой прелавечерной синевой. Только по-над сажной крошкой степи чернели завалы тул. Леняма выскочил на грядку, оглушился. Ничто не шло за ним. Вдруг откуда-то с ирля ступ брызнула тул заходящая синева. Леняма выскочил, выскочил, выскочил прямо записало что-то, словно расцвела грядочка.

— Иретьрумом их, иретьрумом, — простужено бубнил Волокушин.

— Не берет, зараза... —

И Леняма ничего не стал спрашивать про мешочек.

— Борился а высье, упрямю нахалавал неровный зеву у-у-у.

— Летит, пусидка.

Леняма раздрл голову. Моденно сползала с зенита серая, под цвет размазанных облаток, «рабочая» шапка.

— Высматривает! — громко сказал Волокушин. Завернулся и уже беззаботно прикинул: — Таранец, сухари ест?

— Нету.

— Горюча бы горючею... —

Леняма почесался на тощий вешешек, сплюнул, отер губы рукавом... Снова занарился перед глазами грядки ирляной продолговатой рибини. Все время мерещился ему эти грядки, как увидел он их на голых ветках, когда рота проходила через какой-то брошенный хутор. Леняма хотел сбежать нармот, до отпеленный не пустил, сказал, ягды горючи. Теперь Леняма думал, что Волокушин сам, наверно, ни разу их не пробовал на вкус. Не могло же быть так, чтобы жаркие ягды оказались горючими и чтобы незвоинию было их есть... —

— Это ты правильно насчет суцц... мечтатель-но прогретый у Леняма за спиной Таранец, поинюл записавший солдат.

— А еще бы лучше борща! — терзался Волокушин.

— О борще забудь. Убо бы пшеницу.

— Обоз... забудь, еще где-нибудь под Гривенской. Раньше завтра не подойдет жару. Гривонка.

— Ты же не знаешь, где это жарит? Раньше ты проходил. Один, видать из разведчиков, рассказы-

— Мне-ел, — растягивая слово, сказал Волокушин.

Безразлично все стало Леняме. Пропало даже чувство вины, смысл которой они понимали как-то иначе, чем он. Что-то они знали таное, чего Леняма еще не знал, и, наверно, имели право ненавидеть его, а он не имел права отплатить им даме обидой. Оставалось молчать и ждать, что не бывает на свете чудес, что вот сейчас, немедленно, он не может уничтожить танки или отбить атаку пехоты. Он не мог... —

Среду эти вслепо повидавшихся за три года войны людей... —

Что-то случилось само у них, пока Леняма горестно раздумывал. Через поле наносило, размазанная рунами, проблежал человек. Нервная суэта началась в окопчиках.

— Танни! — долетел приглушенный вскрик. Леняма оглушился. Рота вымалась в зябелю. Из-за полубогабывающегося сараичника солдаты выметались кургузую сорочкаплатку. Позади роты, расставив ноги, стоял Подолькин и показывал артиллеристам в поле. Леняма тоже стал смотреть туда, но ничего не увидел. И, лишь прислушавшись, поиня, что рота уже была не одна посреди этого пугстого поля. На дальнем конце его ворочалось что-то темное и сильное. Все еще вышло, словно изнутри. Он рынком поднялся. Отбегая десятку шагов, упал на голое место, среди редких сухих степей бурьяна. И сразу саранка и поиня, словно вылезла из бугор. Отполз в сторону, но поле не хотело двигаться назад. Леняма недвижимо. Еще отполз. Поле издевалось над ним.

А гул манатывался все ближе. На фоне него, у края окопа, слышались выстрелы. Леняма выскочил оружейными бадами. Там была лощина, и там было много солдат.

«Гривонка на иречю», — вспомнил Леняма. Показалась Волокушин, Евдокия. Постопили, и она обвила его рукой за шею. Уже двинулся было Волокушин и грядерее, но вернулся, сорвал с двери красную лоскут, шаузу за лауку.

А потом была ночь, набитая звездами, подпаленная с ирвав недаленными зарничками и мутуганная гулом близкой выиной. Шла, пропала, да в темноте маршевая рота. И как прощальной и позарошной ночью, копылкалась перед Ленямою волокушинским спина, и тоскующий волокушинский голос тихо напевал:

«Ты с тобою случино...»

Но на этот раз была у Ленямы своя тоска. Ничто нигде на этом свете не мдала его, кроме матери. И Леняма думал, что ему обязательно надо дожить до конца коныны, и тогда он, может, научится поинять, что чувствуют мужчины, когда уходит навсегда, и почему женщины так много им прощают...

Граната

К полудню серое небо подосхло, сделалось выше. Подлетела земля. Пепельным налетом оседал ветер на стенах настежь выветренного Ленямыного окопчика, выдувая сырость из комышек черноты, из сваливающихся припогогого бурьяна.

Рота лежала у дороги на ириво пустого поля, где застала ее в марше команда распередоточная и давати оборону. Леняме поинюмазавою Поворолю приказало отойти куть впереди дружки: «Наблюдатели стопаю...»

Почему на эту пору все уже было всерьез: и немеданный конец переходу, и оинья, и кидованность, и протаргетированная Волокушинским с махачиством спроектное предчувствие: «Ох, и грохнет сейчас! Леняму точною нетерпеливое когда же так, на стаме земли и неба, вырастет степь немечью?»

В окопчиках шла икавал-только не военная возня. Позаваливали котелки, кто-то довел черную краску...

вал... Напорились ночью на одну иривую кухню. А там рис с баранкой. Повеселились...

Леняма закурившись. Прямо перед ним стола начиненный до блеска медный котел, доверху наполненный рисом — горючим, с огия раскиспаченным и желтоватым от жира. Магово светилась в нем ирвалепными луковичами. Леняма взял ложку, набрал с горой. Еще набрал и еще... И очень удивился, что такой всегда необыкновенно вкусный рис был, как вода. Но зато тепло от него пошло по телу...

Что-то громкоушло близко, так близко — ирвом обдало. Леняма сел, повел глазами вперед от чинь-то грязных сапог над бруствером. Подполки. Островный, в стеганые, перелопсанной ремнем. В руе автомат стоялом нимз тычется. Леняме в грядку. Лицо перекошено, в красных лптяках, черная борода дергается: кричит Подолькин, но что кричит, не слышно — рот ходит худоним, как в немум кино. Леняма затряс головой, тут — будто занюханцами порваные провода громоговорителя, — оглушила его ругань:

— Держо, ослуп сукавал, заснул на посту! Пало над ухом, хоть бы шевельнулся. Забрыть у него оружье!

Подбежал блондин Волокушин. Сордал с Ленямы автомат.

— Ну, что с ним делать? — буживал Подолькин. — На ирй край мне этот макин коно...

— Не слымать с посту. Пускай бе автомата стоит — оттолкнул Леняму, подступил к поинюмазавою Волокушину. И уже тише: — Ну чего с него взять? Пацан...

— На твою ответственность! — поингривав автомату издезливо саркивался Подолькин. — Если еще хоть раз...

И пнуя подвернувшись под сапог Ленямыного урва, подполки откинулся на Волокушинском исе. Подобляя поинеру на Леняму и томе ошот. Немного погодя услышал Леняма, как говорил Волокушин:

— Подарил и тр-рах. Ну, думаю, пристрелил маоло.

— Мнее полное право, — отозвался Таранец, — Передавай близко...

танин шли по ней. Еще немного и они появятся во всей мощи и ринутся на подиру роты. И тогда безобразнейшая Леняма буд нататься по полю, увертывалась от тнжелых трона, пока кто-нибудь из наущих за танками немцев не срнет его из автомата.

И зачем тогда Подольку поинюбилось отбывать безрой мощи и ринуться на подиру роты? И тогда десят минут. А немцы, которых он мог бы отбить прежде, чем уинюшат, не останутся. И, может, убьют самого Подолькина...

Леняма стал шарить глазами по полю. Ни маин, ни мелюзги в заной-шабу не было поблизоты. Схватил око земли, но он раскиспачен по пальцам, как труха, и вдруг всплывае раматы у него г жсталась граната! Добежал до окопчика. Схватил вешешек, развалу тесемку. Нашуцал металлическую кутьничку и там же рабфистый сталничей чехол. Надел — с чехлом граната убойнее. Надо было встать в не залпа. Отдвинул крашечку на головке гранаты. Стал вникать в отверстие коротким дугинным стержнем. Шел он туго, а под конец глелся во что-то внутри и, что ни делал — с ним Леняма, оставался торчать на полсантиметра над землей.

Хвостю, будто кто стеганул бинном, ударила за спиной сорочкаплатка. На другом конце поля вырбросился черный фонтан. Танни, рева моторами, уже поинзалась во весь рост. Леняма поинял им навстречу. Все тан же торчал из гранаты красноватый конец залпа. Танка она уже просто куском железа, но поначу-то это уже не имело значения. Подолькин выскочил на поле, выткнув руку с гранатой, стал ждаты. Танки подошли совсем близко. Но немцев на нем не было. Танки продолжали нестись на Леняму, а сорочкаплатка больше не стреляла. Леняма потянулся вперед, но не мог. Он был совсем уже непонятно: пушку отпавлявал за развалены сараичника. Воронку отпавляющего Подолькина бегал какой-то человек и, размазанная пистолетом, визгливо выкрикивал:

— Ты кто такой тут приказываешь! Кто панику подишь!

Вылезали из окопов солдаты, молча смотрели на этих двоих, на вынатово суетившихся у пушки артиллеристов.

Рисуюк О. ВУКОВОЛА

Ал. ОСИПОВ

— Мне кажется, мы слишком часто бросаемся в крайности. Поминишь такой лозунг: «Комсомолец должен знать производство». Я согласен: производство надо знать. Но производство — это люди, а мы порой стараемся в сторону самого процесса производства, забывая о том, что у станка стоит человек, и человек этот в восьмидесяти случаях из ста имеет среднее образование, и ему совсем не безразлично, что делается во всей вселенной. А от того, знает он или не знает, тоже зависит производительность труда...

Анатолий КРАВЧЕНКО,
звездник Соколовского рудника.

Мет десять назад пилот гражданской авиации Сургутов обратил внимание на то, что экипаж его воздушного корабля ведет себя на территории Западного Целинного края очень странно. Стрелка, которой на роду было написано показывать одним концом строго на север, выдвигалась под Кустанем черт знает что. Сургутов задумал над легкомысленным поведением своего экипажа, и именно этот момент, я полагаю, можно считать моментом рождения на целине железорудного гиганта.

Я хорошо знаю этот город и его людей — от Толи Кравченко, получившего первую прописку в палатке № 50, до нынешних комсомольских вожakov.

Я особенно хорошо знаю одного из них, и я мог бы рассказать о том, что его любит в городе — это в самом деле любит. Я мог бы рассказать о том, что его одинаково уважают и горняки и строители — его в самом деле уважают. Я мог бы рассказать о том, что он пользуется авторитетом среди ребят — он в самом деле пользуется им. Но я знаю этого парня давно и не раз видел, как ставили его в тупик вопросы, для решения которых требовались знания, выходящие за пределы того, чем он располагает.

Есть в этом юном городе общепитные молодые специалисты, в этом общепитном, как, впрочем, и в других общепитных, и не только на целине, нашлось несколько «выдающихся» личностей. Краем уха эти личности слышали кое-что об абстрактной живописи и кое-что о конкретной музыке. На основании этого личности постиглись в Большие интеллигентны и стали вести исключительную художественную жизнь. Им приходилось ужасно напрягаться. А когда напряжение падало, личности взбадривали себя напитками, в результате чего пели песни. Разумеется, не поющую «Шумел камешек», а вполне современные, отвечающие их духовным запросам, типа: «Мы шабейдар: отворите двери, у нас компания веселая...» Вдольна не пишешь, компания разговорная всякие разгово-

воры — вплоть до откровений по поводу пресловутого конфликта между отцами и детьми.

Это не могло, как принято в таких случаях выражаться, не вызвать серьезного беспокойства. И комсомольский руководитель забеспокоился. Резонно было предположить, что беспокойство это через определенный промежуток времени выльется в совершенно отчетливое руководство к действию, и однажды вечером секретарь комитета придет в общепитный.

— Вот вы тут изощряетесь по части конкретной музыки, и я решил посмотреть, что вы о ней знаете...

Секретарь не пошел в общепитный.

— Надо их расслышать, — сказал он, — надо вообще расслышать молодых специалистов по рабочим общепитным. Так будет спокойнее...

Секретарь принял самое простое и самое малодульное решение — это сразу бросалось в глаза. Но психологическая основа этого решения оставалась для меня неясной. Очевидно, в то время я знал секретаря комитета не очень хорошо, а индивидуумов из общепитных не знал вообще. И, может быть, неясность долго оставалась бы еще неизвестно, если бы как-то секретарь комитета не обронил очень будничную фразу:

— С работниками проще... Нет у них этих штук-дрючек и психологических этюдов...

И тогда я понял, что в основе решения расселить молодых специалистов лежало по меньшей мере два фактора: робость и заблуждение. Робость перед отчаянными интеллигентами, которые верили, что даже со своими скудными знаниями переспорят секретаря по части конкретной музыки и абстрактной живописи, и заблуждение по поводу того, что «работники якобы попроще».

Очень напористый и очень деятельный во всем, что касалось производства, секретарь комитета комсомола оказался в данном случае явно не на высоте. Он предпочел пологиться на свое административное превосходство, которое у него было, а не на превосходство в знаниях, каким, к сожалению, не обладал.

Здесь, наверное, следовало бы сделать оговорку — не тот счет, что рассказанная выше история — всего лишь отдельный случай и что в большинстве своем комсомольские дожины — это люди совсем иного покроя. Но даже отдельный секретарь в отдельном случае живет и работает не сам по себе. Он стоит во главе десятков, сотен, а порой и тысяч комсомольцев. Следовательно, каждый такой отдельный случай — очень серьезная проблема, тем более что «отдельных случаев» такого рода не так уж мало...

Нина Токарева, библиотечный работник из Кустаная, как-то сказала мне:

— Хотите посмотреть формуляры комсомольских секретарей? Это очень интересно... Мне употребляли явно не тот термин. Не интересо, а печально было то, что я узнал... Мы лишний раз с Ниной формуляры ребят из треста «Кустанайстрой» и управления хлебопродуктов, из

обкома и горкома комсомола и вздыхали: два книги за год, три книги за шесть месяцев, одна книга за прошлый год... А тут же, рядом, стояли, тесно прижавшись друг к другу, карточки каких-то совсем неизвестных мне людей — наверное, рабочих, наверное, служащих, — и они, эти карточки, даже внешне отпугивали от карточек комсомольских вожakov. Они были обывочные...

Вечером того же дня я беседовал с секретарем горкома комсомола, и он кивал, слушал меня, и когда я начал рассказывать, секретарь вздохнул:

— Все это так, но где мне взять время, чтобы

заниматься книгами! Я даже с женой в кино сходить не могу... А книги... Знаешь, когда я начинаю влипать с ног, я читаю детективы. Помогает... А тем временем парни из рабочих общепитных идут к Нине Токаревой, и она подбирает им учебники, она рассказывает им о новинках литературы, и парни уносят домой не только учебники, но и новую книгу. И я подумаю, что через год комсомольским вожакем далекого целинного города будет еще труднее жить на белом свете: парни растут, влипают с ног от усталости, не растут, а вожак читает детективы...

Это тоже отдельный случай. Отдельный и печальный. Потому что речь идет о людях, которые уже в силу одного своего положения должны знать больше, чувствовать острее, ориентироваться четче, чем те, кого они призваны вести за собой.

— Ты приходишь к комсомольскому вожaku и выкладываешь ему душу, а он тебя не понимает, у него дед по горло; у него знания, у него отчетливость, у него экономика. А у тебя сценарий, который живет пока совершенно независимо от тебя жизнью... Обидно, когда те дела отнимаются сочувственным вздохом. И я очень рад, что теперь у нас секретарем Жена Попухов. Мы давно ждали такого секретаря. С ним можно поговорить: он все понимает...

Эмиль ЛОТНУ,
кинорежиссер, г. Кишинев.

Это было давно. Очень давно... В Кишиневе жил и работал молодой художник Оскар К. Сейчас он в Кишиневе уже не живет: масштабы столицы сохмной Молдавии показались ему тесными, и он перебрался в более крупный центр культурной жизни. Но не в это дело, и не по этому поводу я вспоминаю его.

Однажды на выставке мы собрались у одной из картин Оскара К. Картина была спорной. И мы спорили. И только один из нас стоял молча, разглядывая не картину, а спорящих. Я знал этого парня: мы учились вместе с ним в университете, и я не помню ни одного собрания, на котором он не произнес бы пламенную речь. Речь в ту пору имела самостоятельную ценность, и парень, естественно, был на виду. После университета его выдвинули на руководящую комсомольскую работу, и это, вобщем, почти никого не удивило: парень умел произносить речь. А в тот день, когда мы спорили у картины Оскара К., он молчал.

Если бы речь шла о новой инициативе, о выделенности по комсомольским влзясом, о заработной плате с учетом, парень, наверное, высказался бы и то, и другое, и третье вжло

а круг его служебных обязанностей; за то, за другое и за третье он получал зарплату и, следовательно, нес прямую ответственность. И, главное, по этим вопросам где-то кто-то уже высказался, а по поводу творчества Оскара К. никаких указаний не поступало. И Евгений молчал. Ему нечего было сказать.

...Это было давно. Это было в Кишиневе, который эти лет двадцать назад представлял собой обычный окраинный город — в меру тихий, в меру грязный и в меру провинциальный. Его населяли бывшие лавочкины, выс интеллектуальная жизнь которых сводилась когда-то к тому, чтобы

но, мастерства. Точка зрения, конечно, не беспорядочна, но Евгений придерживается именно такой точки зрения, и тут уж ничего не поделаешь. Он посмотрел на мой свистящий на восьмой или десятый этаж и после спектакля встретился с молодым автором Д.

О чем они говорили, знают только они. И немножко я. Евгений рассказывал мне, что разговор шел о творческих возможностях молодого автора, о том, что внутренне размеры — это не только экономическая, но и духовная категория, о том, что художник, не выложившись в каждом конкретном случае полностью, ни за что не создаст

ци. И, может быть, даже не столь важно то, что Евгений по-настоящему умен и эрудирован, сколько важно то, что интеллект этого доброго парня светится. Он освещает изнутри светом большого сердца, и на этот свет идут люди...

— Мы хотим, чтобы линия на глобную психологизацию комсомольской работы стала главной в деятельности горкома комсомола. Главной была бы выработка программы, по которой протрутся до каждого комсомольца, а их в Кишиневе около сорока тысяч!

А. С. КОНСТАНТИНОВ,
первый секретарь Кишиневского
горкома партии.

Когда дядя Санду говорил двадцать лет назад о предстоящем двадцатилетии, он имел в виду свой родной Кишинев. Но двадцать лет прошумели над всей страной, и это были годы, когда восточные вывели нашу страну на рубежи разорванного строительства коммунизма. Изменились не только Кишинев. Изменилась вся страна. Самые разительные перемены произошли с людьми.

Я слышал, как спорили на итальянском кино механизаторы под Кустанаво. Мне заговорил в угол рудникские горняки и требовали, чтобы я объяснил им, почему на одну доску ставят поэзию Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского. На станции Тобол, где я однажды сутки дождивался поездов, два девчонки — может быть, доярки, а может быть, птичницы — сидели, склонившись над журналом и вычитывали в строки о памятниках Флоренции и Баяльбе.

И дело тут не только в уровне образования. Дело тут прежде всего в самом главном требовании, которое предъявляет человеку наша действительность: отдать все богатство своей души строительству коммунизма.

Я хотел бы здесь оговориться на тот случай, если кому-либо покажется, что разговор идет о взаимоотношениях между комсомольскими вожаками и творческой молодежью. Нет, проблема гораздо шире, потому что шире и само понятие интеллекта.

Человек выбирается в жизнь? Хорошо Чувствует музыку, поэзию, балет? Отлично! Но я вспоминаю, как Ленин сказал, что не знает ничего лучше «Аппасионаты», и думаю, что это была не только эстетическая, но и политическая, идеявая оценка. Это ставило перед нами задачу. Любое явление нашей жизни — будь то новая поэма, будь то повышение производительности труда на три процента — имеет глубокий философский смысл. Специалисты называют его «сущностью явления» и утверждают, что сущность эта никогда не лежит на поверхности.

Специалисты правы. Давайте перелистаем отчетные доклады комсомольских секретарей — это особенно относится к среднему звену комсомольских руководителей — и посмотрим, как говорят они хотя бы о той же производительности труда.

— Иванов выполняет норму на 180 процентов, Петров — на 190, Сидоров — 192.

А почему на 190? Кто движет Сидоровым? Может, он не переводчик, а наоборот — рванец! Попробуйте найти в этих ответах ответ на эти вопросы! Но ведь нельзя же всего обходить их стыдливым молчанием, нельзя вечно ограничиваться голым констатацией фактов, нельзя вечно барахтаться на поверхности. Комсомольский вождь — это прежде всего политический деятель. Следовательно, интеллект его, как, впрочем, и интеллект любого комсомольца, должен базироваться на высокой идейности, на идейности, которая имеет в виду не поугайский, а заучиваемое двух-трех ходячих лозунгов, на идейности, которая идет от глубокого знания законов развития общества, от умения руководствоваться этими законами в каждом конкретном случае.

Комсомольский вождь не имеет права на нищий среднестатистический интеллект. И авторитет его, авторитет он руководит людьми, а значит, обязан помогать им извлекать из глубины сердца все, что есть в них светлого, высокого и ценного. Он руководит людьми, а значит, он должен быть всесторонне развитым. И авторитет его не заключается не в занимаемой должности, а в высоких показателях сердца и разума.

такое, что промолчило бы дольше трех часов, а течение течения длится спектакль...

Я вспоминаю немного ироничскую, но очень, на мой взгляд, показательную мысль молодого кишиневского поэта Валерия Майорова.

— Попробуй поработай с нами, если каждый из нас genius.

Нужно быть очень уверенным в себе, чтобы прийти к автору только что вышедшей — первой — книжечки стихов и предложить ему:

— Давай потолкуем по душам... Кажется, ты делаешь что-то не то...

Где-то за пределами скромной коммунки в объективе кончается Женя Попушой — просто хороший парень, и называется Евгений Попушой — комсомольский работник, то есть политический деятель, главным объемом деятельности которого является молодой человек, юноша или девушка, делающие первые шаги по жизни. Во взаимоотношениях с молодым ученым, с молодым рабочим, с молодым композитором комсомольский вождь представляет весь комсомол, и от того, какими они не было правое моральное — того правды, судьба таланта, заложенного в каждом человеке.

...В одном большом городе на востоке страны мне рассказали грустную историю. Одного парня-художника, не без таланта, но с недрачным, взяли в обработку под углом борьбы с абстракционизмом. Парень был не более абстракционистом, чем всякий его в оборот комсомольский секретарь. И тот надарычик, который могло бы устранить простое желание искренне разобраться в его природе, тогда углубился: художник ушел в свое заблуждение, как чертала в пещицу, ушел потому, что комсомольский вождь просто-напросто не смог разобраться в его творчестве.

Я вспоминаю Николая Белича, секретаря Петропавловского горкома комсомола. Теперь он уже бывший секретарь, и не последнюю роль в том, что он стал бывшим, сыграло как раз то обстоятельство, что выше других на голову Белич был исключительно в силу своего служебного положения; я считаю, я думаю, я предлагаю... А за эти ми «я» столь только административное право, за эти ми «я» не было право моральное — того правды, которая дает широту взглядов, глубокая эрудиция, настоящий интеллект.

— Интеллект... Ну, хорошо... Я знаком с теорией разбегается вселенной, я чувствую, чем отличается настоящая жизнь от цветной фотографии... Но человек может обладать этими знаниями, только если, нося их, несет как роскошную булавку в галстук. Кому они тогда нужны, эти знания?

Это слова Евгения Попушой, а это слово Евгения... Я еще раз возвращаюсь к этой мысли Геннадия Терца и чувствую, с какой заботой о комсомоле, с какой заботой об авторитете комсомола подошли в Кишиневе выборы вожака городской комсомольской организа-

Комсомольцы — кандидаты наук. Комсомольцы — инженеры. Комсомольцы — заслуженные деятели искусств. Комсомольцы — писатели. Комсомольцы — изобретатели... Это были качественные новые люди. Их интересовало все — и кибернетика, только что перешагивая была буржуазной лженаукой, и новые стихи совсем еще юного Евтушенко, и спорные полотна Оскара К. Таких людей нельзя руководить при помощи одних лишь пламенных речей.

И на одном из пленумов Кишиневского горкома комсомола первым секретаря был избран Евгений Попушой, молодой врач, бывший секретарь комитета комсомола мединститута.

— Странные вещи происходят иногда... Встает на отчетно-выборном собрании парень, произносит громоульную речь, и мы лихорадочно начинаем этого парня выслушивать. Мы даже изобретем его секретарем, хотя никто не знает, есть ли у него за душой что-нибудь, кроме умения красиво поговорить... Комсомольский вождь должен быть на голову выше тех, кем он руководит. Выше во всех отношениях — и в деловом, и в духовном, и в моральном...

Геннадий ТЕРЦЕ,
слушатель партийной школы,
г. Цейноград.

олодур актер Д., получил очень ответственную роль в одном из спектаклей Кишиневского драматического театра имени Мехова.

Евгений Попушой не был на премьере. Он вообще не ходит на первые представления, считая, что премьеры — это чуть больше, чем обычно, нервозности, чуть меньше, чем обыч-

У т р а

Мы поднимемся рано,
Мы выйдем с тобой чуть свет.
Мы пойдем по тропинкам забытым
И по росе...

...И пришли мы туда,
Где, как память восточных лет,
Распалось
Варшавское шоссе.

Где смертам и потерям
Давно потерял счет,
Где, насупившись, доты
Глядят из-за бугра,
Где, камни раздвигая,
Как в давние дни, течет,
Все течет, все течет
Фронтная река Угра.

Ты, конечно, прости,
Что твой пыльник уже промок,
Что в перчатках нейлоновых
Забито твоим рукам,
Что с водой перемешанный
Росный болотный мох
Не по нраву французским твоим
Каблучкам.

Ах, Угра!..
Поминь, некогда
Просто рубжом
Мы ее называли
И поиню до сих пор!..
Ладно, время пришло.
Теперь давай разожем,
Да, теперь, как бывало,
Давай разожем костер.

Ах, костер!..
Как светло и охотно
Всплынул он!..
Поминь, здесь вот сидели
И пели мы у костра!
И шептали одной
Укрывал нас тревожный сон,

И баюкала нас
Фронтная река Угра.

Ах, костер, ты, костер!
Разгорелся ты горячо!..
Ну, а поминь, ты поминь! —
Такое забыть грешно! —
Как у самой Угры
Бытовала мое плечо!
Это было.
Но было давно.
Давным-давно...

...Все!
Теперь возвращайся.
Как совесть велит, юная,
Процветай и блаженствуй,
Крути-верти делай.
Прощай, ты не уйдешь,
Но нету у нас любви:
Ты сама расстреляла ее
Из-за угла...

Вот все дальше и дальше
Слышишь твои шаг.
Нас уже разделяет
Крутой лесной овраг.
Я не выстрелил в спину,
Но мы с тобой — враги.
До последней минуты моей
Тебе я враги!..

Ну, а память! А песни! А радости!
Все не в счет!
А тревоги! А раны! А трудности!
Все — вчерашнее!
Пинь, каминь раздвигая,
Течет она и течет,
Все течет, все течет
Фронтная река Угра...

П и с ь м о в Л и т в у

Солнце, выравнявшее из плена,
Бьет по граням промерзших крыш.
Здравствуй, милая. Лаба дома!
Или ты еще крепко спишь!

Встань. Приди мне скорей на помощь.
Я прошу тебя — не молчи...
Поминь змийною полночь!..

Поминь нас, затерянных в той ночи!

Как по улочкам шли мы темным,
В тишине распался снег,
Поминь, под ноги нам, бездомным,
Лег ковром самый первый снег!

Как прозором обогнали
Нас с тобой на мосту крутом,

1 Лаба дева — добрый день (литовск).

Как завила для нас Вильяле
Под качающимися мостом!

Как пну она то дробила,
То подбрасывала на колне!..
Ты скажи мне: все это было
Или только приснилось мне!

О, как холоды твои пальцы,
О, как губы твои горячи!..
...Нет, не надо, не просыпайся,
Было — не было, промолчи.

Пусть я время напрасно трачу —
Расстоянья не презюмлю,
Я кричу тебе: «Ачу! Ачу!»
За бессонную эту ночь.

2 Ачу — спасибо (литовск).

В и л ь я л е *

Вильяле быстра и шутра.
Забавная эт речонка,
Совсем как подросток-девчонка,
По камушкам скачет с утра.

Ну, ладно за городом. Там
По рощам, лесам и оврагам,
Ну кто же за ней шаг за шагом
Заочет бродить по пятам!

А тут, в толчее городской.
Ее притягивает мостам,

* Речка, которая в Видноле
падает в Нерис.

Ее окружают кустам,
А пользы-то нет никакой!

Взгляните: до самого дня
Она все дивнее, интереснее...
Ну что это за интереснее!
Зачем эта спешка нужна!

Попробуй-ка тут разберись!
Вильяле белит и хохочет.
Чего она, милая, хочет!..
А попорту — вилиться в Нерис.
Вильяле!..

Снег лежит голубой и глубокий.
Утопнул в сугробах дома!..
Ах, сорони мом белобок,
Что-то вам обещает зима!

Вы в такой пролетаете позе,
Самой малой боесь высоты,
Словно всем вам январь отморозил
Непомерно большие хвосты.

Знаю, жизнь ваша нынче прискорбна:
Вам зима а этом снежном краю
Не дает ни приюта, ни корма.
Вот и жметесь вы ближе к жилью.

Но, проса о посылной защите,
Не забыли вы старую страсть.
И назойливо так верещите,
Все глаза, чего бы украсть.

Ладно, я помогу вам по чести.
Только в этих суровых местах
Принсите мне добрые вести
На своих неподвижных хвостах.

Чтобы я, по сугробам шагая,
На закате короткого дня
Знал, что есть у меня дороги,
Та, которая помнит меня.

Даже, может, немножечко любит,
Улыбается мне одному...
Но трещите вы: «Странные люди!
И зачем это нужно ему!»

И спукете на белой веревке
Мехк промерзшего за ночь белья...
Ах, конечно, сорони-ворони,
Непонятна вам просьба моя...

Т е п л о

Одолола меня бессонница,
Доконили кошмары, сны...
То мне снится, что мнится конница
С неприятельской стороны.

Сотрясаемый канонадою,
Я, безумный еще юнец,
Улыбаясь, на землю падаю —
В самом сердце лежит снежок!..

То другое вдруг сневидение:
Возникает из дымных глыб,
В синем небе, как навиганде,
Возникает огромный гриб!

Кровь из сердца ушла до донышка
И стучится а мои виски,
И а мозгу моем ясно солонько
Разрывается на куски...

А еще есть сон с повторением:
Снег. Равнина белым-бела.
И следы на снегу сиреневом.
Это ты от меня ушла...

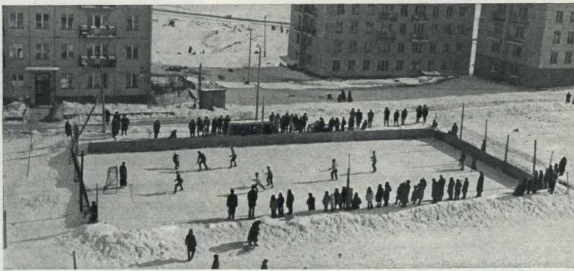
Вот теплынь-то на дворе!
Растянулось лето длинно.
И солотряса: в сентябре
Зацвела а саду малина.

И черлеуха за ней
Вдургу свернула близньюю.
Но, конечно, поссорилась,
Чем цвела она весною.

Ну, а все же в кустах белó,
Словно вдургу вошли мы а сказку...
Вот бы ано твою тепло,
Да еще любовь а наску!

И черлеуха из вилпал,
Новой юностью поросшим.
Я бы сам, наверно, стал
Удивительно хорошим.

Ведь подумай: дважды а год
И малина цветует,
И черлеуха цветет,
Если мы тепло завет...

ГАРИБАЛЬДИЦЫ ИГРАЮТ В ХОККЕЙ

Фото В. ЧЕЙШВИЛИ

Москва, улица Гарibaldi, 11 — адрес, ничего не говорящий о побитали хоккея. Но именно здесь, по мнению местных мальчишек, находится самое лучшее хоккейное поле в Москве. Почему самое лучшее? Да потому, что сделано оно своими руками.

Собрались однажды мальчишки в полутемном подвале. Скучно. В кино идет картина, всеми виденная. А больше вроде заняться и нечем. «Эх, шайбу погонять бы сейчас!» — вздохнул кто-то.

А Виктор Кудашов — он первый заводила в доме — тотчас откликнулся: — Когда площадку делать будем?

С этого все и началось. Работа пошла у «самодельного» СМУ быстро. На помощь пришли взрослые — спортсмены-первоарзрядники Юрий Горбачев и Николай Стадник. Помогла и общественность дома.

И вот в центре двора появилась хоккейная площадка. Не только ледное поле, борта, ворота, но даже электрическое освещение. Опытные спортсмены Юрий Горбачев и Олег Аверюшкин проводят немало времени на катке, знакомя ребят с техникой и тактикой игры. Труды тренеров-общественников не пропадут даром. Побойайте теперь у «гарibaldi-дидцев». Точные пасы, уверенное владение клюшкой — нельзя не порадоваться за ребят. Пусть это еще не «большой» хоккей, но все же игра осмысленная, слаженная, тактически грамотная.

В этом году юные спортсмены впервые участвуют в первенстве Октябрьского района Москвы среди дворовых команд.

Знакомьтесь:
ребята с улицы Гарibaldi.

Оживление в лоджах.

А может быть, лет через десять Генка Аксенов и вправду наденет фуфайку сборной?

К этому снимку комментарии, как говорится, излишни.

ГАРИБАЛЬДИЙЦЫ ВЕРНАЮТ В ДОМОВЫЕ

— Как вы помогаете дворовым командам? Что нужно сделать для того, чтобы в каждом доме был свой спортивный коллектив? С такими вопросами корреспонденты «Смены» обратились к людям, непосредственно причастным к организации «неорганизованного» спорта.

Вот что думают об этом:

И. КРЮЧКОВ, председатель Московской хоккейной федерации.

Дворовые команды? Мы выделяем судей на их матчи, направляем тренеров, которые ищут талантливых ребят, способных играть в юношеских и молодежных командах. Согласен, что этого мало. Поэтому наша федерация и собирается перестраивать свою работу. В центре нашего внимания будут соревнования в районах. Тогда дворовые команды перестанут быть «эстикейными» и ребята с улицы Гарибальди почувствуют себя полноправными солдатами армии московских хоккеистов.

В. АНОХИН, заведующий спортивным отделом Октябрьского райкома ВЛКСМ гор. Москвы.

У нас немало хороших дворовых команд. Есть и получше, чем на улице Гарибальди. В каждом доме живут энтузиасты спорта, заводилы, умеющие сплотить вокруг себя ребят. Искать таких людей, помогать им — задача комсомола. Этим мы и занимаемся.

Но есть и другая сторона вопроса. Возьмите тот же «гарibaldiйский» каток. Построен он из случайных материалов, как говорится, «на одном энтузиазме». Нужно наладить промышленное производство несложного оборудования для дворовых площадок

Витя Михайлов, форвард:
«Мы еще посмотрим,
кто — кого!»

и в каждом районе иметь бригаду из 5—6 человек, которая специализировалась бы на спортивном строительстве. Тогда не только мальчишки, но и люди постарше с удовольствием занимались бы спортом, не выходя из своего двора.

А. ШЕВЦОВ, главный инженер ЖЭКа № 18.

Как говорится, чем богаты, тем и рады. Мы помогли нашим хоккеистам наладить освещение, заливку катка, купили им клюшки. В результате ребята перестали «убивать» время а

подъездах, проводят его с пользой. Правда, некоторых привередливых жильцов не устраивает шум, доносящийся с катка, но, по-моему, это не такая уж большая беда.

Вполне согласен с Виктором Анохиным: нужно индустриализовать строительство дворовых площадок. И еще. В каждом ЖЭКе должен быть штатный инструктор физкультуры. Тогда спорт на дому станет составной частью обслуживания жильцов, такой же, как, скажем, газ или водопровод. Средства на это при желании найти не так уж трудно.

— Скорее, ведь тебе выжить!

— Ладно, на сегодня довольно. Устал... — говорю я вяло и поднимаю к лицу два пальца, которыми упираюсь в стол. На подушках пальцы не лежат плоские округлые следы.

— Простите, сансэй... — возражает Ерини. Он упрям и настойчив, как обычно. — Я, вероятно, навредил вам, но раз уж вы согласились, может быть, покончим с этим делом сегодня же?

— С самим делом!

— С визитом и подводным илеопитационии.

— Что за глупые шуточки! Уже одиннадцать часов!

— Знаю. Но раз уж мы решили ехать, то и все ил равно, который час! К тому же нельзя забывать, что до заседания комиссии осталось всего три дня, и если мы собираемся представить по поводу Томосу наш проект, у нас для работы остается всего один день, завтрашний.

— Тако-то оно так, только вряд ли они обрадуются, если мы выйдем так поздно. Да и нет там уж ничего, наверное...

— Ничего подобного. Директор лаборатории господин Язамото нарочно ради нас перенес свое дежурство на эту ночь.

— Директор дежурит?

— Там ведь все, как в больницах. Поскольку они работают с живыми существами... И вообще там по ночам много работы. Впрочем, вы сами увидите.

— послушай... — Я поставил колесо на сиденье кресла и достал сигарету, хотя мне не хотелось курить. Возможно, такой позой я намеревался продемонстрировать Ерини и самому себе, что полностью сократил душевное равнодушие. Но почему говорить прямо, ты не вполне откровенен со мной. Ерини оттопырил губы и нахмурился. Кажется, он хотел что-то сказать, но промолчал. Я продолжал.

— Мне многое хотелось бы сказать тебе. Я и уважительно логично проинспектировал. Мало того, я испытываю некую-то внутреннюю неудовлетворенность. Грубо выражаясь, мне все это отвратительно.

— Кажется, я вас понимаю.

— А раз так, то брось оноличности и раскисни мне все, что тебе известно. Нам загляни в тули. Кто-то зачем-то спугнул нас по рукам и ногам. Мы не знаем, чего добивается противники, и потому и можем отвечать на удары. Кто и какую выгоду может извлечь из того, что я повсюду слышу?

— Эта шайба, несомненно, битая машин-предсказатели.

— Вряд ли... Ведь машина там и не дала нам ничего по-настоящему. Женщину они убили, никаких нитей в наших руках не осталось. Чего же еще бояться? Нет, это не то.

— Мы же будем продвигать работу. Во-первых, комиссия надеется найти истинного преступника и не позволит нам остановиться на полдороге.

— Комиссия можно обвести, подступу ей характерные показатели личности убитого.

— Не знаю... — Ерини начал головой... Ведь в том, что мы работаем, известно и полочнице. Пусть да, самым высшим чинам. Они ищут от нас результатов и потому держатся в роли сторонних наблюдателей и даже помогают нам, и найдем убийцу и подозрение падет на нас, тогда все пропало... Нет, это не годится. Никакая не дитя.

— Хорошо, допустим, ты прав. Но тогда напрашивается вот какой соображение. Эти бандаиты — предположим, что они действительно существуют, — так вот, эти бандаиты, очевидно, могут выставить своих свидетелей и натравить на нас полицию в любое время, когда только им заблагорассудится. Мы целенаправленно и полностью зависим от них.

— Какая чушь! Да они только и ищут, чтобы вы упали духом. Трус всегда попадает на эту удочку. Услышит, что поблизости бродят воины, забьется в свою нору и, затаив отлично сознание, что неминуемо померет от голода, ничем не вымусит нас наружу... Ох, простите, сансэй, это я от злобы, что у нас все так нелепо складывается.

— Ничего, я и сам знаю, что и трус. Но вот я сейчас слушаю тебя, и мне пришлось в голубую... По-слушай, пойдя в полицию и все раскисая, ведь нам самим легче станет.

Ерини исподлобья глядит мне в лицо. То ли он действительно малает меня, то ли осуждает, а может быть, просто притворяется. Закусив губу, невнятно говорит:

— Кто-то, вероятно, обрадуются. Их ведь убила, они спят и впадают в вальс с нас, и мы иду и превратить лабораторию в подобный вычислительный центр... вот это, конечно, сансэй. Вы считаете, что можно принять существование торговли зародышами. Вы считаете, что вашу супругу заманили в ловушку, чтобы привлечь внимание и этой секзочке. А вы представьте себе, что такое предприятие действительно существует! Тогда получаются действительно интересные вещи. Тогда получается, что вы сами настойчиво подсовываете вам факты... Легоняно поступившая пальцами по клавиату, Ерини вдруг переходит на шепот: — Или, может быть, это — предупреждение.

— Или, может быть, это — предупреждение. Или, может быть, это — предупреждение. Или, может быть, это — предупреждение. Или, может быть, это — предупреждение.

— И что же ты предлагаешь? — Я замечаю, что давно уже раскисая, стуча клавиатурами, среди блонков машины.

— Выяснить, что собой представляет эта ловушка. Ничего другого не остается. — Я молчу, и Ерини нарочито добавляет: — Впрочем, можно запросто выйти.

— Довольно! — кричу я. Мне страшно, и я злю на себя за этот страх. Кажется, и ждал этого предложения. Идаль и боюсь.

— Почему? Разве вы больше не доверяете машине? — Машина — это логика. Здесь не может быть речи о неверии...

— Тогда почему? — Это не такое дело, с которым стоит обращаться с помощью машины.

— Странно... Значит, вы признаете, что прав я?

Наконец машина остановилась. Луна пряталась за тучами. Впрочем, она все равно не помогла бы мне сорентироваться.

ВЕВЕРТАМ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРВОУ

КОБО АБЭ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с японского С. БЕРЕЖКОВА

Продолжение. Начало см. М.№ 1—3.

Принято считать, что произведение искусства — картина, скульптура — уникально и неповторимо. Правда, существуют авторские повторения, так называемые реплики, но обычно они беднее подлинников, потому что, как это ни покажется на первый взгляд странным, очень трудно повторить самого себя, заново вызвать в себе прежний строй мысли и чувства.

уже пережито и преодолено. Копия же всегда беднее подлинников, да и не все произведения так просто скопировать: попробуйте сделать копию с холста размером 5 на 6 метров, как, например, знаменитое «Бьяне Христа народу» А. Иванова.

Но существуют произведения искусства в сотнях и даже тысячах экземпляров, все из которых — подлинники.

Это эстампы (от французского слова, означающего «оттиск»). А искусство, их создающее, — графика (к графике относятся не только размножаемые произведения, но и уникальные рисунки карандашом, тушью, аква-

реалью и пр.). Эстамп — это стаяковая гравюра. Она имеет самостоятельное значение и отличие от книжной графики, элементов оформления книги.

Мы говорим: «гравюра», «офорт», «ксилогравюра». Какая между ними разница? Разница в материале, с которого делается оттиск. Можно вырезать изображение на деревянной доске твердого сорта дерева (бук, груша) — это гравюра на дереве; можно выцарапать на медной пластинке иглой и протравить кислотой — это офорт; можно вытиснуть изображение на особый печатный камень — литография; можно вырезать на линолеуме (обычном линолеуме, которым покрывают полы) — линогравюра.

Доска, пластинка натравляется краской, затем изготавливается определенное число оттисков: от нескольких десятков с медной пластинки до нескольких тысяч с деревянной доски и линолеума. Понятно, что разный материал даст разный по виду оттиск, и, конечно, наиболее четкими, лучшими будут первые оттиски.

Гравюра на дереве (называемая такжексилографией) — самый древний род гравюрного искусства. Она предшествовала книгопечатанию. Заставки рукописных книг, заглавные литеры,

выдаются удивительное творчество недавно умершего художника, лауреата Ленинской премии Владимира Андреевича Фаворского, которого с полным правом можно назвать классиком советской гравюры.

Гравюра на дереве, как и вообще гравюра, имеет свои особенности и трудности восприятия. Если изображаемые средства живописи — краски, которыми можно передать все многоцветие мира, то в гравюре обычно (не считая цветной гравюры) всего два цвета — черный и белый; черная краска и белая бумага. По этому признаку мы можем сопоставить графику и черно-белое кино, где выбор красочных средств столь же ограничен. Однако это не мешает выразительности сил этих искусств.

Язык графики крайне скуп и лаконичен, гравюра производит впечатление не внушительными размерами — в сравнении со скульптурой и живописью это искусство более «камерное» — но она не менее значительна и порой достигает подлинной монументальности.

Перед нами «Портрет Достоевского», исполненный Фаворским в 1929 году.

Безусловно, первое наше впечатле-

ИСКУССТВО ТЫСЯЧИ ПОДЛИННИКОВ

Портрет Достоевского

порой целые страницы вырезались на дереве. Широкое распространение деревянная гравюра получила в народных картинках, так называемых «лубках». Позже в профессиональном искусстве гравюра на дереве была вытеснена гравюрой на меди — офортом, а еще позже, с начала XIX века, — литографией.

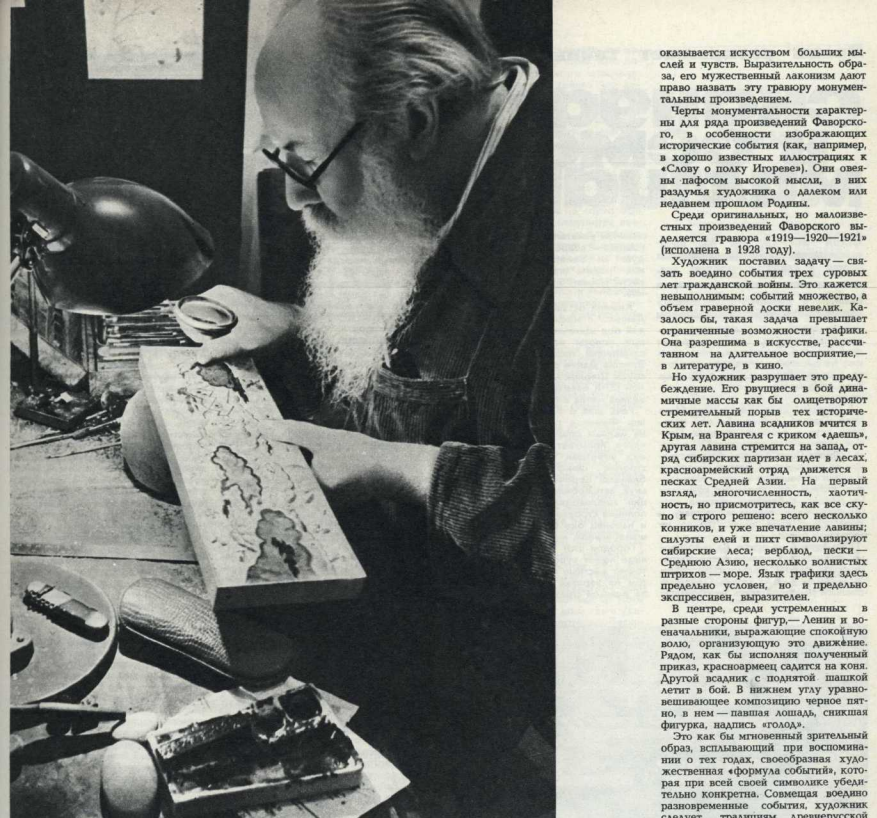
Возрождение деревянной гравюры произошло уже в нашем веке. Художники нового времени как бы заново открыли таившиеся в ней возможности: выразительность штриха, пластичность очертаний, четкое расположение графических масс, мягкие переходы серо-серебристых тонов. В этой технике работали многие замечательные русские гравюры: А. П. Остроумова-Лебедева, А. И. Кравченко, Д. И. Митрохин и другие. Среди них

не будет такое: образ зной, знакомый и «похожий», чем то любящий, воспринимается как-то по-особенному. Всмотревшись, мы замечаем, что в отличие от рисунка гравюрное изображение более четко, контурно, над всем преобладает линия — штрих.

Фон дается косым мелким штрихом, столь тонким и мелким, словно ни вычерчен остро отточенным карандашом, но на самом деле это острое прикосновение реза, причем, как нетрудно догадаться, гравюра режется по «четвятивому» принципу: карандаш на бумаге дал бы черную линию, линия от реза на доске при оттиске будет белой. Затем мы видим, что штрих как бы ступается и у фигуры переходит почти в черное. Дробящееся пересекающееся штрихами поле. На самом деле штрих реза становится все ре-

Композиция, посвященная теме гражданской войны

Портрет Ленинской премии, народный художник СССР
В. А. Фаворский

Фото Э. ЕВЗЕРХИНА

же, и там, где он не коснулся поверхности доски, лежит глухой черный цвет — им выделен силуэт фигуры писателя.

Фигура писателя обведена одной белой линией, отделяющей ее от темного фона. Линия эта лишена суетности, она трепетно неровна, но удивительно пластична, упруга и точна. Она проведена уверенной рукой мастера. Рука гравера должна быть тверда и безошибочна: одно неверное движение реза — и гравюру нельзя исправить, провал, результат долгой, кропотливой работы.

Фон, созданный мелким косым штрихом, очень красив; у Фаворского он приобретает совершенно особенную серебристость. Этот фон мог бы быть плоским. Гравюра, безусловно, имеет право быть плоскостной, и у Фаворского это рад вещей, где нарочито подчеркнута плоскость гравюральной доски. Но в данном случае художнику нужна глубина. Чтобы придать образу живичность, нужно

расположить его в пространстве, но пространство это должно быть замкнутым, скатым, отвечающим той внутренней сосредоточенности, которой проникнут образ. Поэтому художник сложной разработкой фона, переходом тонов от светло-серебристого к темному отделяет фигуру от окружающей задней плоскости стены и придает самой плоскости черты конкретности, слегка намечая рамки портретов на стене. Маленькая, казалась бы, ничтожная деталь, но закройте рамки — и вы увидите, как сразу же потеряется иллюзия объема: останется просто нейтральный фон.

Теперь посмотрите, как скучно и вместе с тем полно дан окружающий мир вещей: стола, кипа листов в руках, стопка книг, чернильница. Две свечи — и человек уже показан не только в пространстве, но и во времени. Писатель встал из-за стола. Утро. Догорели свечи. Суровый, даже аске-

тичный (это впечатление усиливает глухой черный цвет аскетического сортука), несколько сутулый, он держит в руках только что законченную рукопись, весь еще погруженный в недавнюю передуманное, пережитое. Мы можем многое сказать о писателе, портрет дает к этому богатые возможности. Мы вправе говорить о благородстве облика, о глубокой, сосредоточенности, о сострадании, написанном на лице, о человечности образа писателя. Мы можем многое вспомнить о самом писателе, о его сложной судьбе и его мучительно-сложном творчестве.

Портрет, как видим, дает множество аспектов для размышлений. И это, между прочим, — лирическое свидетельство о его незаурядности. Заурядная вещь исчерпывается вся при первом ее рассмотрении. Большое произведение искусства всегда дает простор фантазии зрителя, открывает ему в себе все новое и новые возможности. Каюсь, было, скромное «камерное» искусство

оказывается искусством больших мыслей и чувств. Выразительность образа, его мужественный лаконизм дают право назвать эту гравюру монументальной произведением.

Четыре монументальности характерны для ряда произведений Фаворского, в особенности изображающих исторические события (как, например, в хорошо известных иллюстрациях к «Славу о полку Игореве»). Они овеяны пыфом высокой мысли, в них раздумья художника о далеком или недавнем прошлом Родины.

Среди оригинальных, но малоизвестных произведений Фаворского выделяется гравюра «1919—1920—1921» (исполнена в 1928 году).

Художник поставил задачу — связать воедино события трех суровых лет гражданской войны. Это кажется невыполнимым: событий множество, а объем гравюрной доски невелик. Каюсь, была бы такая задача превращает ограниченные возможности графики. Она разрешима в искусстве, рассчитанном на длительное восприятие, — в литературе, в кино.

Но художник разрушает это преужбеждение. Его рвущиеся в бой динамичные массы как бы олицетворяют стремительный порыв тех исторических лет. Лавина всадников мчится в Крым, на Врангеля и скривок алашанца. Другая лавина стремится на запад, отряд сибирских партизан идет в десах, красноармейский отряд движется в песках Средней Азии. На первый взгляд, многочисленность, хаотичность, но композиция, как все ступно и строго решено: всего несколько конников, и уже впечатленье лавины; сибирские елси и шест символизируют сибирские деса; верболов, пески — Среднюю Азию, несколько волжских штрихов — море. Язык графики здесь предельно условен, но и предельно экспрессивен, выразителен.

В центре, среди устремленных в разные стороны фигур — Ленин и во главе, выходящие слои, олицетворяющие организацию это движение. Рядом, как бы исполняя полученный приказ, красноармеец садится на коня. Другой всадник с поднятой шапкой летит в бой. В нижнем углу урваново-вешающем композицию черное пятно, в нем — панная лошадь, сниженная фигура, надпись «голод».

Это как бы митовный зрительный образ, испытывающий при воспоминании о тех годах, своеобразная художественная формула события, которая при всей своей символической убедительности конкретна. Сомневая воедино разновременные события, художник следует традиции Древнерусской графики, рисующей летописные кадры, где на одном листе изображаются битва и торжественный въезд победителя в город. Собственно, это произведение и есть своеобразная художественная летопись.

Это также и прекрасное графическое произведение. По картину, в которой выделена фактура живописи — цвет, мазок, — говорит, что она живописна. По эту гравюру хочется сказать, что она очень «гражданская». Даже немного разбавила в графическом технике, мы уверенно скажем, что это отклик с деревянной доски. А если мы прежде были чуть-чуть знакомы с другими листами художника, то безошибочно определим тонус Фаворского, присутствующие у него черты классической строгости и общности формы.

Мы ограничились лишь двумя астампами, которые, как нам кажется, дадут представление и о мастерстве художника, и о специфике гравюры на дереве, наконец, об астампе — произведении искусства, которое получило широкое распространение в наши дни.

Вл. МИХАЙЛОВ

Скандал в семействе миллиардеров

Б. МАРКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, где все начинается с конца, а читатель знакомится с действующими лицами

Дело это сильно смахивает на детективный фильм: сюжет закручен лихо, но кто преступник, ясно всем уже на десятой минуте, даже парочке, цапущейся в заднем ряду зала. Всем, разумеется, кроме самих детективов.

В нашем деле детективов было двое. Правда, сейчас оба они потеряли вкус к ремеслу сыщика. Первый, полицейский комиссар XVI округа Парижа Пьер Анжели, был отстранен от должности в разгар следствия и купил в утешение виллу в Нормандии. Второй, его преемник комиссар Ги Деннис, с блеском изловил злоумышленника, вышел в отставку и тоже купил себе виллу, только на Лазурном Берегу.

Оба теперь на покое. Да и то верно, полицейская служба в аристократическом районе французской столицы — Пасси — не из легких. Одной кающейся десницей здесь не обойтись:

слишком влиятельны «клиенты». Здесь главное — вовремя собразить, следует ли замять дело в зародке или продать его огласке, чтобы отвести внимание от главных виновников.

Анжели остался в тени. А портрет Денниса с мифистифической улыбкой под щеточной губой обещает первые полосы всех газет: «Человек, скатавший политикой маленького Эрика!» Далее репортеры на жеманли соус: Шерлок Холмс с изысканной ножкой (37-й размер), твердая рука, желваки мветя и т. д.

Речь шла о положении Эрика Пежо. Фамилия громкая. Она выбита на медных досочках у дверей особняка, полыхает неоновыми буквами над воротами автозавода, набрана строгим шрифтом на банковских билетах. Короче, Эрик — маленький внук автомобильного короля Франции миллиардера Пежо. Целый год и половина он был пойман в фешиевском местечке Мексв.

Городок этот на швейцарской границе живет курортной публикой, которую местные природники тянут летом на веревке до первого перевала, а зимой страхуют на лыжных спус-

ках. За последние десять лет здесь выросли отели, виллы, пансионаты, и солидный некогда городок стал мирным эмигрантским Сен-Тропезом. На эмигрантский спорт сюда слетаются легкорылые дамы, ситистельные владельцы титулов и нувориши Старого и Нового света. В Мексве коротают недолгий сезон и темные дельцы всех отменок, готовые при малейшей опасности с достоинством смириться в более терпимую к псевдонимам Швейцерию.

Все же время от времени кому-нибудь из эфариантов или «профессоров» случается появиться в холле гостиницы в наручниках и занять свое место в «салатной корзинке» (так называют во Франции полицейский фургоны).

Рано утром 4 марта 1961 года, когда над Монбланом вступил хлопок тумана и затили азарики распадающихся гостей, офицанты ночных заведений сдали выручку и поборли в свой пансион, устало перебарывавшись новостями. Так же лениво провалили они перед шале «Шесть сироток». У тяжелой двери приткнулся весь в изморозь кривой аутубюккер. В шатском и трое полицейские в синих крылатках вошли в дом. У камня в кресле спал рыжий молодой человек с вислыми носом. Похлопать его не удалось. Поэтому пошарили в карманах, полицейский достал у него водительские права на имя Симона Ротмана, студента. Долго пришлось стучать в спальни и к остальным обитателям шале, прежде чем они сошли вниз.

Молодой мужчина с черствитным профилем, одетый в бархатный халат с нашитым гербом, протянул Деннису картонку: «Граф Роллан де Бофор, консул Ганты».

— Раймон Роллан, не так ли! — уточнил комиссар.

— Да, это я.

— Вам придется поехать с нами.

Второй мужчина, лет сорока, с глубоким рубцом под липкими волосами, назвался Пьером Ларш. При виде наручников он пришел в суетливое волнение.

Полицейские помогли сойти и двум женщинам. Высокая блондинка молча протянула Деннису датский паспорт на имя Митильды Борден, 20 лет, и на четвертом французском попросила «сведомств датское консульство о недоразумении». Другая — хрупкая черноволосая девушка с модным раз-

резом глаз — возмущенно говорила что-то о нарушении контракта, неустойке и грозила на ярго «показать этим фрикам». Все пятеро исчезли в «салатной корзинке».

А вечером того же дня в газете появилась фотография, о которой мы упоминали, — «Человек, скатавший политикой маленького Эрика». Вот, собственно, и все участники дела.

Да, мы чуть не забыли о родителе Эрика. Узнав об аресте гангстера, они срочно возвратились в Париж — из Мексв.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой излагается официальная версия похищения, а также сомнения по этому поводу

В полицейском комиссариате XVI округа задержаны пять журналистов. Зацепили «блинцы», но снимки не вышли: кроме черноволой девушки, все остальные закрыли лица полыми пальто. Это как раз и наступил момент, когда Ротман и ступили в Боден. Продолжили путешествие в тот день. Девушка охотно позировала и быстро отвечала на вопросы офицера. Да, она намерена продолжать заниматься искусством, правда, несколько изменив название своего номера — «Королева стриптиза Минусло из «эффры Пасса»».

Через несколько дней комиссар Ги Деннис сдавал для прессы маленькое официальное версии похищения. Рецидивист Ларш, известный полиции и «коллегам» по провинциальским Сербам, окрещенный так, по всей видимости, за отталкивающую внешность, возвратился в начале 1960 года из тюрьмы и сидел без единого су. Цепляя дырявые влипские носки, Ларш обитал в гостинице на бульваре Севастополь и читал забытый кем-то американский детектив Лайонела Уайта «Похищение». Сюжетом его было детство влиплинского операционного сына миллиардера. Ларш поделился этой идеей со своим другом Раймоном Ролланом, который под псевдонимом «де Бофор, консул Ганты» специализировался на профессии «идиголо» (танц-партнер) при богатых дамах преклонного возраста. Замысел понравился тотому, и они принялись вдвоем листать всякий справочник «де Бофор». Первой им попалась фамилия Пежо. Так что Эрик оказался жертвой совершенно случайно: книга могла раскрыться и на другой странице.

При месяце злоумышленник готовился операционно: следили за семьей Пежо, ее привычками, ездили почти ежедневно в Сен-Клу на берегу Сены, в окрестности Парижа, где у Пежо минифи, готовили убийство, отработывали детали. Похищение решено было провести на пасху.

12 апреля родители Эрика вернулись в Париж после «зимнего отпуска в Мексве». Пасхальная лапа с мясом провали с мясом в Сен-Клу, после чего мадам Пежо уехала в город, а месяце осталась распахнуть гувернантку об успехах четырнадцатилетнего Пюжа. Взрослые «медведи» шли по центральной аллее, мальчик, оставшись без присмотра, побежал вдруг к ограде. Стоявший наготове «де Бофор» перемахнул через забор, взял ребенка на руки, перемахнул поперек решетки Ларш. Затем они вскопили в угнанную утром машину («марки «лежос») и помчался по западной автостраде в местечко Эре-Рус, где

Не в этот ли момент «осчастливый отец» Пежо-младший обдумывал план похищения собственного сына?

ПРИНЦУ НЕ ВЕЗЕТ

Утверждают, что этот патологичный паренек с пышной ногой носил на голую малую члену, а среди ученых гордоистинской школы (Англия). Во всяком случае, ему так же, как и другим, обидно не хватать сиромаше суммы в восемь с половиной долларов на карманные расходы, которая выдается ученикам на целый семестр. Из-за этого Его Высочество Чарльз Филли Артур Динордж принц королевской крови, не раз попадал в беду. Однажды он попытался поправить свое шаткое финансовое положение, илч продать автографы по цене 35 центов за штуку. Торговец был хорошо, пока ей не узнала администрация школы. Принцу устроили нагоняй, а деньги вернули покупателю.

Второе вторичное кино пришло Чарльзу в голову, когда он решил плачевно неслась тактика. Принц продал шпильному пришло тетрадь со своими суждениями на 4 доллара. Тот не растерялся и сбавил ее уже за двадцать долларов. В дальнейшем «романтик» цензурологичной тетради непременно возраста.

Когда тетрадь отутулась в руках некоего журналиста Смита, тот решил зародить ее большой прессе и разослал телеграммы в американские и европейские газеты. Ответ пришел быстро. Кто-то позвонил Смиты по телефону и на ломаном английском языке объяснил, что он представляет французскую фирму «Фигаро». Смит приехал в названное для свидания в пригородном месте в окрестностях Лондона. Оказалось, что его ожидали не представители «Фигаро», а агенты Скоттлайда. Они незамедлительно фиксировали тетрадь.

Однако Смит перекрикнул Скоттлайда, представив фото-

тию. В конце концов сочинение Смита увидело свет и было опубликовано в американском журнале «Штерн». Смит заработал на этой операции 12 тысяч долларов, а его публикация в «Штерне» привлекла объяснения с его ставниками.

В. СКОСЫРЕВ

раскопалась миллиардера было похищение собственного сына. «Де Борофор» подобрал для этого специалиста — Тима Ларшу, тогда что вышедшего из тюрьмы. Тот разработал детальный план.

Вначале все шло, как задумано: Пежо отвлел гувернантку, а «де Борофор» который накануне своего дня играл с Эриком, прошел через калитку, взяла мальчика на руки и отнес его в машину. Тот знал уже веселого дядю, поэтому не испугался и не заревел.

Но затем дело чуть не сорвалось! Когда Роллан Пежо, симулируя волнение, принес отцу письмо с требованием выкупа, тот бросил: «Слишком много!» В письме стала сумма в восемьдесят миллионов, старик фразков. И он же позвонил в полицию. Пежо-младший бросился к телефону, но полиция уже подключилась к линии, кинулся куда-то и вернулся через час.

— Пятьдесят! Старик был согласен на все. Однако дело удалось получить огласку, хотя комиссар Анжели хранил общедневное молчание. Из газет, передававших подробности, несколько раз, просили подтвердить или опровергнуть слух.

Киднапиг — таковое преступление. В Америке, где это «бизнес» процветает, история вышедшего из войны был принят «закон Линдберга», по которому похищение малолетних карается смертной казнью. Закон был принят после того, как гангстеры выкрали и убили сына национального героя Америки летчика Чарльза Линдберга. Во Франции за похищение детей полагается двадцать лет тюрьмы.

Но мошенники были уверены в безнаказанности. Ингелиза сама отпустила сына на авио Пуанкаре. «Де Борофор» снял по соседству с объектом Пежо на авеню Виктор Гюго двенадцатиэтажный дом, где с угостеренной силой заперлась бесконечная армия охранников. Пежо представил «де Борофор» своей жене. «Шарпестерный профиль» — отмината Стутенер-профессионал справедливо решил, что деньги с семейства Пежо можно тнуть с двух сторон — как с мужа, так и с жены. И не ошибся. Фоторепортеры скандальной хроники продали фирме Пежо за солидную мзду список мадам Колет Пежо в компании «де Борофор».

Через год деньги, вырванные от похищения собственного сына, стали подходить к концу. Среди мошенников нечеловечески скандально Пежо, которого заготовили «его-нибуде» всемирного, «де Борофор» достал во всемирнонадежную таможницу из «Новый Ева» Мицуку. Официально она приехала в Мексика с «де Борофор» Ганш обещала Пежо вылететь в ночь бар «Мозориз», где бесследно аркискарпата, в присутствии всех заката ему пощенину. Тот довольно громко сказал, что «эта мочка» давно уже сидит у него в пещерке.

Через неделю «де Борофор», Ларш, Ингелиза Боден, Ротман и Мицуку были арестованы.

Финал дела таков: мошенникам были гарантированы солидные отступные, стороны сняли срок за молчание. Стороны пришли к соглашению. Или Пежо в списке обвиняемых не фигурировал...

Вот и вся история, рывинофф обозначилась степенно, кто-то, кто додумались «использовать» ее. Торгуемые собственными детьми, имеют ли они право называться людьми? И не боялся ли они дядя, когда это право не будет нигде купить даже за миллиарды!

его единственного сына. Ведь оно могло быть знакомо ему.

Шале «Шесть сироток» в Мексика, кажется, радостно, а вышедшей Пежо, не так ли? Да, но... Минутку, а где обитает «де Борофор»? На авеню Виктор Гюго? Значит, и в Париже они живут на одной улице!

Газеты пытались бы строить на этот счет различные предположения, но директор издательства немедленно получили уведомление адвоката фирмы Пежо о том, что при повторении домыслов, не имеющих документальных подтверждений, он подаст на газету в суд за диффамацию. И «кафка Пежо» ушла с первых полос газет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой пер-

СОСНАКИ ЭТОЙ ИСТОРИИ СТАНОВЯТСЯ

ПО СВОИМ МЕСТАМ

Что же такой оборот дела не несет? Ведь скандал наносил ущерб фирме Пежо. Лицо же фирмы должно быть незамутненным: торговый дом — образец семейного очага. Таково девица любого бизнеса. Милые чужаки, как же в соответствии с соответствующими пропорциями, прихоти и чудачества — все это оживляет ковенную рекламу, расцветавше вывеску. Но неблагоприятные дела ни в коем случае не должны испльвать на поверхность.

А эта история с похищением, как стант ясно, отнюдь не поднимала престиж фирмы. Потому-то столько нехотейств в следствии, столько загадочных эпизодов этой истории. Мы попытаемся проследить ее по отрывочным данным, в разное время появлявшимся в зарубежной печати.

О праздном и бездарном существовании Пежо в последнее время написано много. «Сладкая жизнь» Пежо в этом смысле не исключение. Отец Эрика vicenda полной неспособностью не занимается делами фирмы, которую возглавляет его жена. Пежо старается владеть своим временем, насколько можно. Он заказал некоторую помощь делу, выгодно женившись на представительнице растущего банкирского дома. Но коммерческая женитьба не отразилась на приватном образе жизни наследника миллиардера.

Летом 1959 года на Лазурном берегу в Сен-Тропе Пежо-младший познакомился с только что избранной ланс Дамейн — ослепительной блондинкой Ингелизой Боден, дочерью дипломата. Повсюду их стали видеть «двоем». Нимфа представила Пежо своего «важного друга» — графа де Борофор, консула Гант, прямого потомка Гант IV и т. д. Изобретательность «каркостарта» по части развлечений (за счет Пежо, разумеется) поразила воображение даже сына миллиардера. С началом зимы своей жизни Пежо пересочевала в Мексика, где Пежо снял для сутенера «Шест сироток» по соседству со своей виллой. Слух о просянкошидных слух орках дошел до Парижа. Ренш, не роняющая по понятиям Пежо-старшего, престижа фирмы, не покрывала и сотой доли колоссальных расходов. Свои изысканн росянком подписывал всепись, чени, все каникулы, каникулы, не покаялся. Но глава фирмы решительно отказывался платить. И тогда в голову «де Борофору» пришла отменный план...

Что, если похитить маленького Эрика? Все знающие старики души не чают в четырехлетнем внуке: прелестное создание, так похож на дедушку. Он сам занимался его воспитанием, подобрал гувернантку, врачей. Поэтому единственным способом заставить

за неделю до этого они сняли павильон. Аренда была оформлена на имя приехавшей «де Борофор» Симона Ротмана, судимого ранее за подпольную работу. Той же ночью, чтобы уничтожить отпечатки пальцев, гангстеры сожгли машину во рву на пустыре в шестидесяти километрах от Парижа. (Действительно, в хронике происшествий в то время, когда еще не была известна фамилия, полиция обнаружила в указанном месте обгоревший остоу черного влезю № 4615KT75.)

Оставив мальчика на попечение своего соседа ланс Ингелизы Боден, «де Борофор» возвратился в Париж, напечатал на машинке, одолженной у своей бывшей жены, письмо с требованием выкупа в размере 50 миллионов старых франков и отпустил его по пневматической почте. Мишленю он бросил в Сену с моста Мирабю. (Она была выполнена и приобещана к делу в качестве улики.)

Родители мальчика, опасаясь за его жизнь, решили выехать в сообщество иного полицию, но затем дедушка все же позволил в комиссарият, а отец тем временем собрал необходимую сумму. Затем, как требовало письмо, он встретился 4 апреля в Париже с «де Борофор» на авеню Тертр, 55, с неизвестным и передал ему кожаный портфель с банкнотами, после чего, не взглянув на этого человека (таково было непременное требование), ушел из здания.

Уже встретил по настоянию семьи Пежо не было послано ни одного агента. Вечером того же дня Эрик был найден в машине, брошенной у гаража на авеню Пуанкаре, рознично-рознично.

Каким мер приняла полиция? Немедленно организовала группу по расследованию, переписала номера серий отгонных кузов и начала расследование. Но ввиду протесту, при отсутствии одного из маль арестованы...

Нельзя сказать, чтобы картина, нарисованная стражем законопорядка, убедила своим реализмом присутствующих на прессе конференции. Конечно, на прессе наиболее осведомленных журналистов пытался осветить самые туманные места.

Во-первых, похитители франков были знать наверняка, что семейство Пежо не уезжает на пасхальные каникулы вопреки обычно на его. Откуда гангстеры знали, что мальчик останется на этот раз в Сен-Клу?

Во-вторых, родители вели себя так, как будто не знали, что мальчик, что мальчик ни возвратят при любых обстоятельствах, а похитители, поже, и не беспокоило, что киднапиг обойдется им в рубль, в случае в 20 лет каторжных работ, пощенину, пощенину, не установила хотя бы телеобъективов у пассажи Дуэзи?

Материалы следствия даже при белом осмотре проявляют брешу в панораме, выставленной к обозрению публики. Девизом: «Семейство Пежо».

В первом протоколе, составленном после звонка дяде Эрика, была указана сумма в 80 миллионов франков, а в последующем — пятьдесят. Как это произошло?

Далее, хозяин гаража на авеню Пуанкаре подтвердил, что в машине мальчика оставила дача в черном кофточке. Странно, что ему не предельно фотографии задержанной. Истин Эрик тоже не показывали его похитителя. Пежо-отец заявил, что врач решительно возражает, хотя, судя по словам того же врача, инцидент не походил на признаки видимых отклонений от нормы.

В высшей мере странно и то, что Пежо-отец даже не взглянул на лицо человека, покушавшегося на жизнь

Можно ли выбывающему из комсомола по возрасту оставить на память комсомольский билет? Нужно ли для этого специальное решение первичной комсомольской организации и на чье имя написать заявление?

Тамара ЗАЙЦЕВА,
секретарь комитета комсомола треста
«Мосгодельстрой» № 5

г. Москва.

Выбывающему из комсомола по возрасту не надо писать никаких заявлений. Не требуется для этого и особого решения первичной организации, райкома или горкома. С выбывающим достаточно побеседовать секретарю комитета, а потом сообщить об этом комсомольскому собранию. Остальное, как говорят шахматисты, «дело техники».

И все-таки остается иной раз от таких «технических» проводов неприятный осадок на душе. В самом деле, аннулировали учетную карточку, сделали запись в соответствующем журнале — и кончилась твоя комсомольская жизнь. А ведь было в ней столько по-настоящему интересного, доброго и незабываемого! И думался она не день, не два, а почти полтора десятилетия.

Возраст есть возраст, нельзя в комсомоле состоять вечно. Но в то же время, небрежно бросив человеку что-то больше не комсомолец, можно его навсегда лишить обладать. Девя вступлением в комсомол наверняка никогда не забудется. Надо, чтобы точно так же запомнилась и день расставания с молодежной организацией.

Во многих первичных организациях комсомольцев, выбывающих по возрасту, приглашают на собрание, избирают в состав президиума. Секретарь комитета рассказывает всем собравшимся о том, что успел сделать товарищ за годы комсомольской жизни, в каких общественных делах он участвовал, какую пользу принес своему колхозу, заводу, институту. Хорошо, если от имени горкома, райкома или первичной организации старшим комсомольцам за активную общественную работу будут вручены почетные грамоты, объявлена благодарность.

А можно ли оставить человеку на память комсомольский билет? Да, можно. Райкомы, горкомы, комитеты комсомола имеют право по желанию комсомольцев, выбывающих из рядов ВЛКСМ в связи с вступлением в КПСС или по возрасту, оставлять им комсомольские билеты на память. В этом случае в комсомольском билете делается отметка о том, что комсомолец выбыл из ВЛКСМ по такой-то причине. Запись должна быть заверена печатью и подписана секретарем комитета. Это не означает, правда, что комсомольские билеты нужно оставлять на память обязательно всем членам ВЛКСМ.

Вы хотите знать язык?

Я хочу заниматься иностранным языком. Сообщите, пожалуйста, где есть заочные учебные заведения или курсы по изучению иностранных языков.

Н. БАУШЕВА

г. Вытегра, Вологодской области

Специальные курсы заочного обучения иностранным языкам организованы в Москве. На Государственных центральных курсах («ИНЯЗ») три отделения: английского, немецкого и романских языков (французского, испанского и итальянского). Срок обучения — три года. Кроме того, есть одогодичный подготовительный курс. Программа курсов составлена так, чтобы научить слушателей читать и переводить художественную и политическую литературу, вести несложную беседу на изучаемом языке.

На курсы принимаются лица, имеющие законченное среднее образование, подтвержденное документом. Прием на курсы проводится один раз в год — с 15 мая по 31 июля.

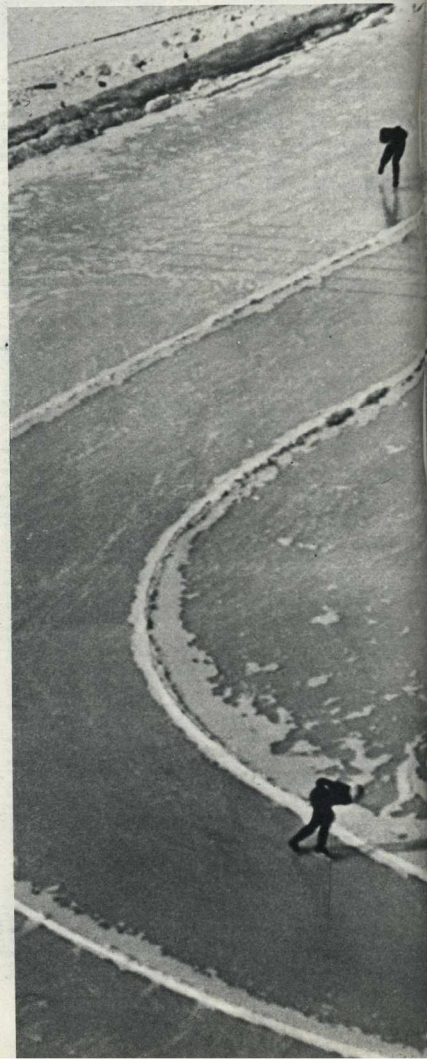
Принятые на курсы обеспечиваются учебниками и учебными пособиями, которые высылаются по почте наложенным платежом.

Обучение на курсах платное — 25 рублей в год. Учебная плата для всех одинакова и взимается два раза в год — по семестрам.

Устные экзамены (переводные и вышущие) можно сдавать на курсах или при местных предприятиях по ходатайству курсов. Для помощи заочникам в их самостоятельной работе курсы «ИНЯЗ» проводят индивидуальные устные и письменные консультации. Для москвичей на курсах проводятся групповые занятия.

Адрес курсов: Москва, Г-151, Большая Дорогомиловская улица, 27.

Юноша с полуострова

Харальд МЯХАР

Фото М. МУРАЗОВА

КОПЛИ

Идет, пожалуй, города, в котором один из районов не славился бы своими спортсменами. В Москве — Красная Пресня, в Тбилиси — Дидубе, а у нас в Таллине — полуостров Копли. Исконный рабочий район, колыбель революционного движения в столице Эстонии. Вот, наверное, почему здесь и растут крепкие, упорные ребята. Коплицы вписали немало блестящих страниц в спортивную историю республики и всего Советского Союза. Но олимпийского чемпиона среди них не было до прошлого года. Теперь он есть. Вы, конечно, догадались, что речь идет об Антсе Антсоне.

Тех, кто не гонял в Копли мяча по баскетбольной площадке, не осмеливаясь прыгнуть с высоты в воду, не бегал на коньках, — тех у нас еще считали мужичинами.

Не было такого вида спорта, которым не пробовал бы заняться Антс в детские годы.

Все началось с тенниса. Что было, то было: с ракеткой у Антса дружба не получилась. Мальчишке, привыкшему к коплиским просторам, скучно было без конца бить по теннисному мячу, привязанному к бечевке. Антс расстался с ракеткой. Может быть, теннис от этого потерял, но коньки...

Впрочем, не будем забегать вперед. Первая медаль была завоевана хоть и с помощью коньков, но в хоккее. Команда Антса стала чемпионом республики среди школьников. А вот конькобежец из него никак не получался: лед оказался куда более скользким, чем можно было ожидать. На первых в жизни соревнованиях, на 500-метровой дистанции, Антс упал.

«Я заупрямился, разозлился. Хотелось доказать, что все равно смогу бегать», — вспоминает Антс об этой неудаче. И он продолжал тренироваться.

После окончания конькобежного сезона свободного времени оказалась очень много. Тогда еще не получила распространения круглогодичная тренировка. Обычно конькобежцы летом садились на велосипед, Антсон же выбрал легкую атлетику. И чуть было легкая атлетика не отобрала у коньков олимпийского чемпиона. В 1960 году на первенства республики Антсон был вторым в беге на 3 000 метров с препятствиями и выполнил норму первого спортивного разряда. Не перенявшись ли на легкую атлетику! Ведь здесь первый разряд уже в кармане, а на коньках когда еще до

него добежишь? Коньки все же перевесили...

Вряд ли нужно приводить перечень достижений 26-летнего заслуженного мастера спорта Антс Антсона. У всех свежи в памяти Олимпийские игры в Инсбруке и соревнования прошлой и нынешней зимы.

Есть ли у него какие-нибудь особые «секреты», собственные методы тренировки? Этот вопрос интересует, наверно, всех любителей конькобежного спорта. Вот что отвечает на него мой прославленный земляк: — Никаких секретов у меня нет. Просто к навыкам, которые я приобрел мальчишкой, легко было добавить последующую нагрузку. Уже тогда ничто не могло поколебать моего влечения к спорту.

Самым тяжелым испытанием в первые годы был конец недели. Пойти на тренировку или? Сам знаешь, сколько заманчивого в субботних вечерах. Обычно этот внутренний спор решался в пользу тренировки. И теперь, оглядываясь назад, я об этом не жалею.

Ох, как много последовательности и упорства должно быть у спортсмена! Ставишь перед собой цель, значит, должен достигнуть ее во что бы то ни стало. Я не считаю себя каким-то исключением или большим

талантом. Думаю, что каждый юноша сможет быть на моем месте. Но при одном условии: нужно твердо желание стать хорошим спортсменом!

Ничего, пожалуй, добавит к этим словам. Разве что, теперь Антсу приходится во ст раз труднее.

Вы, конечно, узнали эту девушку. Это киноактриса Эва Киви. Но кино здесь ни при чем. Просто она невеста нашего Антса.

На старте.

АСЕН-СЫН БОГАТАРИИ

Александр ТИХОНОВ

В помещении 175-й московской школы, что на улице имени Героя Советского Союза Д. Н. Медведева, укреплена мраморная доска. Золотыми буквами выбиты на ней имена воспитанников школы, побивших в боях за Родичу Среди двадцати пяти — имя Асена Драганова.

НА КАНАУНЕ

Он принадлежал к поколению тех, кто окончил школу в июне 1941 года. Но когда Асен впервые появился в четвертом классе «Б», это было еще далеким будущим.

Учитель истории Петр Константинович ввел в класс новичка — худощавого, черноволосого, застенчивого.

— Знакомьтесь, это ваш новый товарищ — Асен Драганов!
— В те годы, — вспоминает педагог А. Редникова, — среди шумной толпы ребят Асен выделялся сосредоточенностью, выжиwaitием к учебно-интересом к, казался бы, «взрослым» наукам. Асен с друзьями организовал кружок по истории военного искусства. После уроков ребята вместе с Петром Константиновичем часто собирались в учительской, читали доклады по истории Рима, Древней Греции, России.

Асен довольно быстро стал любимцем класса, а позже — всей школы. Через несколько лет комсомольские школы избрали его своим секретарем. И не ошиблись. Он с глубокой ответственностью и серьезностью свободно уживался в нем с добрым, озорным мальчишеством. И, может быть, потому, что веселый, жизнерадостный паренек уже много переудмал, перечувствовал. Его отец, болгарский революционер, видный деятель Коминтерна, не раз арестовывался полицией; подвергался преследовани-

ям и его семья. Именно это и вынудило его жену Пенку с сыном приехать в Советский Союз.

Шли годы. Пришла пора расставания со школой, с учителями, со школьными товарищами. Асен собрался поступать в авиационный институт. Дома об этом говорили бесконечно.

Июньский воскресный день 41 года круто изменил все. Нет! Конечно же, он не пойдет в институт. Россия, его вторая Отчизна, принявшая его как кровного сына, в опасности!
— Мама, я еду в военкомат.

Пенка чувствует, как у нее сжимается сердце. Ведь Асену нет еще семнадцати. Не зря же только вчера комиссар ему отказал.

Но Асен настаивает. Его письмо в ЦК комсомола логично негодуют. Он требует, настаивает. Он не может бесконечно сносить «замглазию» с крыши дома. Он должен сражаться на фронте, там, где решается судьба России, судьба его Болгарии.

Наконец разрешение получено. Асен уезжает в бригаду особого назначения. Часть получает ответственное задание — защищать подступы к Москве.

НА ФРОНТЕ

Новая, непривычная, суровая жизнь. Как хочется обо всем написать! Чтоб знала и она — очень близкий ему друг, славная девушка, с которой вместе учились. И идут письма одно за другим.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ. 16/IX — 41 г.

Дорогая Валюша!

Два дня назад я послал одно письмо, сейчас пришел с ночного караула и пишу продолжение. Сейчас 17 лет. Нарочно побрился и стал совсем большой!
Теперь о нашей жизни. Подробно, конечно, я не могу и не должен рассказывать, сама понимаешь, почемуж. Но некоторые моменты можно осветить. Первое, что необходимо, — это быстрота. Все нужно уметь делать быстро и скоро, даже мушкет. Надо признаться, что быстрота дается нелегко. Второе — выносливость. Мы часто делаем броски. Бросок — это бег с полной выкладкой: мешок, лопата, патроны, скляка, винтовка, лямчат. Вот тут особенно требуется вы-

носливость и воля. Когда доходишь до мертвой точки, нужно преодолеть слабость, и тогда наступает вторая дышанка, без которой продолжительно...

Делаем походы. Вообще все предприятие и боевой обстановке, все делается так, как на фронте, естественно еще одно. Во время бомбардировки Москвы попадали в бомбежки. Мы все время переживаем тревоги никто не спал, все наблюдало за небом. Все было необычно и даже страшно. Но впоследствии мы настолько привыкли ко всему, что спали в самую сильную стрельбу, когда немцы летали над нами, и даже тогда, когда осколки от зенитных снарядов сыпались градом и падали бувалито в 3—4 метра от нас. Часто бываем в ночных дозорах, сержант и т. д.

Пока все.

Привет, Асен.

А фронт тем временем приближается к Москве. Асен участвует в параде на Красной площади 7 ноября. Он и его товарищи в белых маскировочных халатах, с автоматами. И прямо с парада — бросок в район Красной Пахры. Там работают минеры бригады. Они минировали дороги, лесные просеки, делают завалы.

В середине ноября на центральном участке Западного фронта шли упорные бои. Именно сюда по распоряжению командования и была перебросена бригада особого назначения. Эта бригада была сформирована из добровольцев-комсомольцев. Попасть в нее в ряды с нашей молодежью стремились антифашисты многих стран — чехи, болгары, поляки, немцы, испанцы, венгры. Тогда по совету Г. М. Димитрова командир бригады полковник М. Ф. Орлов пригласил и формировавшего интернационального батальона. В него вошли бойцы 13 национальностей. Был среди них и Асен Драганов.

В декабре началось контрастступление советских войск. Неся огромные потери, фашисты откатывались на запад. На участке бригады немцы, отступая, взорвали мост через реку Яхрома. Надо было срочно навести переправу, чтобы обеспечить дальнейшее продвижение наших войск. Немцы отвечали нашим орудиям. В таких условиях, под перекрестным огнем, семнадцати рискуя жизнью, за 36 часов построили переправу. Асен самоотверженно работал вместе с другими и был награжден первой медалью — «За отвагу».

После разгрома немецких войск под Москвой линия фронта отодвинулась на 200—300 километров. Отряд бригады, куда входил и Драганов, получил задание перейти фронт и действовать в тылу врага. Вечером в землянке командир отряда капитан Горбачев объяснил бойцам оперативное задание. А ночью в поиск уха разведка: полкитур Николаев, Асен и еще несколько бойцов. Но разведчики попали в засаду. Только к утру тяжелораненый Драганов приполз к своим.

Маленький городок Козельск. Застывшие в тишине улицы, замаскированные снегом дома. Долгие дни и ночи в госпитале. Рана серьезная, но Асен по-прежнему бодр. Ждет не дожидается, когда вернется в часть, к фронтовым друзьям.

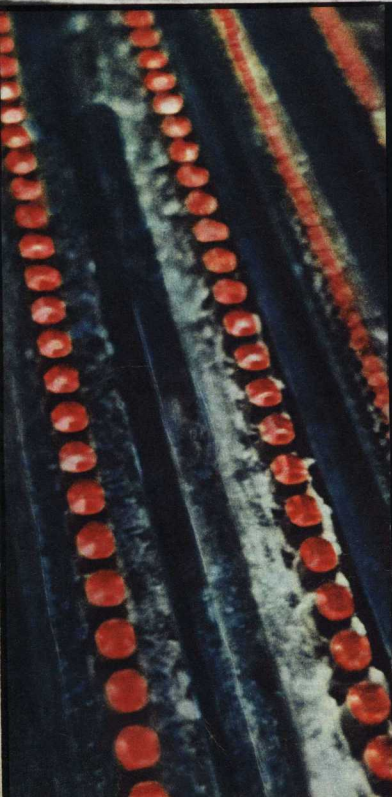
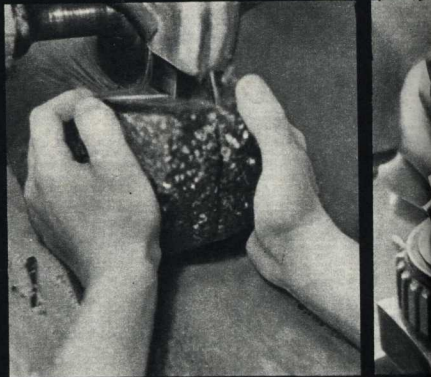
И снова летят письма другу...

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Дорогая Валля!

Надеюсь, ты получила мое последнее письмо и уже знаешь о моих похождениях. Продолжаю повесть о Асене, которые мы вели, были тяжелые и ожесточенные — все время приходилось вырубать немцев из уцелевших деревьев, а укреплялись они поочередно, попали под сильный винтовочный огонь. Пришлось залечь, и так, без движения, лежать несколько часов. Я был послан с досенением,

но, на мою беду, соскочило крепление с лыжи. Руки совершенно одеревенели, пальцы не слушались. Я сузил пальцы в рот, поправил крепление, но сейчас не отворачивал, повалился на спину. После долгого омидания при жгучем морозе мы пошли в атаку. Нам удалось отбить несколько немцев: было у 7—8 раз больше, у них было много пулеметов и минометов, а мы имели только карабины и автоматы — ведь они предостерегали. После этого боя «мизинг» похачался на полпути к вырубке, засел в засаду. На рассвете вели бои, делали переходы по 30—40 км за ночь. Это было очень тяжелое и суровое время. Вообще я видел и сам делал много такого, во-

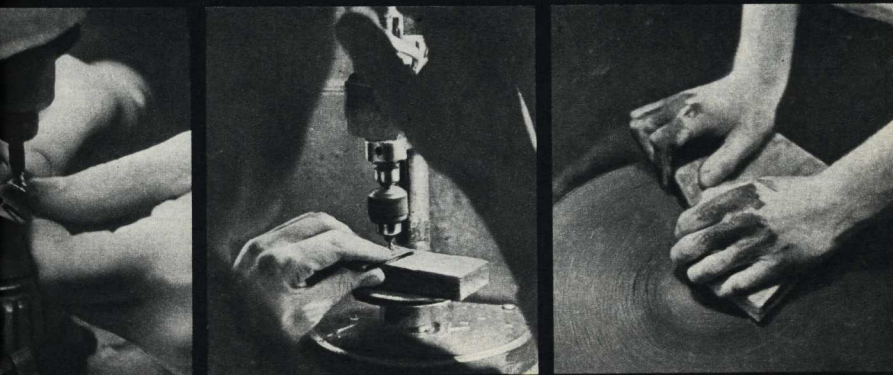
ПРЕВ

Говорят, только во сне человек может увидеть то, чего никто никогда не видел. И еще, пожалуй, в природе. Скорее всего — в камне. Как не бывает двух одинаковых обложек, так не найти два камня, положив друг на друга. Многое, конечно, зависит от нашей фантазии, но главное — в самом камне, в его неповторимой красоте.

Уральские самоцветы — это, если можно так сказать, красота в чистом виде. Но увидим мы ее лишь после того, как земля пройдет необходимые операции — огранку и шлифовку, — сделанные рукой мастера. Только тогда можно увидеть пейзажи, фантастические битвы, могучие пожары, космические бури — можно увидеть то, чего никто никогда не видел. Даже по тем немногим фотографиям уральских камней, которые сейчас перед вами, можно судить об этом. Посмотрите на разноцветные яшмы: непомерно богаты цветом зеленые малахит и красный с черным рисунком орлец; цвета морской волны авантюрины; белые, голубых, палевых оттенков топазы; аметисты, которые приобретают глубинки красной-фиолетовый тон при искусственном свете; александрит, который днем кажется зеленым, а вече-

Фото В. МИШИНА

РАЩЕНИЕ КАМНЯ

ром — вино-красным... Глядя на этот бесконечный ряд красоты, думаешь о том, насколько точно найдено это слово — «самоцветы».

Какому уральскому мужику горшочку первую пришло в голову называть так камни, излучающим цвет и свет, сказать трудно. Но именно здесь, на Урале, в середине России, и могло родиться это слово, отсюда и пошла искуснейшие мастера — каменеры и гранильщики. Здесь началась знаменитая русская каменеровая техника, с помощью которой созданы малахитовые и лазуритовые вазы, столешницы и панно Эрмитажа, колонны из малахита в Исаакиевском соборе. Об уникальных вещах, связанных с уральским камнем, можно рассказывать бесконечно много, как, впрочем, и о людях, их создавших.

Своя профессия каменера вызывает какое-то особое чувство. Не знаю, в чем тут дело, но издавна профессия эта сочетала в себе два могучих начала — поэзию и тяжелый крестьянский труд. Брать у природы и творить красоту могли только крепкие по духу люди. И не случайно поэтому все уральские сказки и легенды населены именно такими людьми. Кажется, что таким каменерам долины быть и теперь...

В Свердловске живет потомственный мастер огранки самоцветов Григорий Данилович Зверев. Считайте, что вам повезло, если вы познакомитесь с этим человеком; а если какому-нибудь режиссеру случится снять фильм об уральских мастерах камня, с уверенностью могу сказать, что лучшим талантом ему не найти. Григорий Данилович — ирландский седой старик с могучей бородой и удивительными — мощными и одновременно чуткими — руками. По роду он сын уральского умельца Динны Кондратьевны Зверева, которого, по местному преданию, считают прототипом легендарного Динды-мастера. Если же вам придется увидеть Григория Даниловича, вы вряд ли усомнитесь в этой версии.

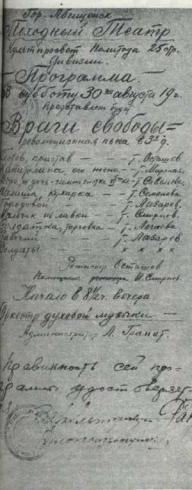
Сейчас Григорий Данилович — пенсионер, но еще совсем недавно он работал на свердловском заводе Русские самоцветы. История этого уникального в своем роде предприятия во многом связана с деятельностью Зверева. В годы первых пятилеток уральские мастера, работавшие раньше в одиночку, решили создать государственное предприятие: нужно было сохранить искусство, передать традиции и опыт новым, молодым мастерам. Григорий Данилович был первым, кто поддержал эту идею и все силы и умение отдал ее

осуществлению. Он передавал свой опыт молодежи и работал сам. Именно ему, Григорию Даниловичу Звереву, доверили огранку рубинов для кремлевских звезд: именно он, Зверев, составлял из самоцветов карту Советского Союза для Международной выставки в Париже в 1937 году.

На его глазах из маленького артели создавался в Свердловске завод самоцветов, в цехах которого появились теперь точные приборы и полуавтоматы, а при заводе — свое художественное ремесленное училище.

Недавно работает на заводе выпускник училища каменеры Сергей Ходино. Анатолий Манаников и Валерий Луговых, ювелиры Григорий Кудрявцев, Зоя Дегтярева и Гала Устинова. Это еще очень молодые рабочие (в зрелый бы назвали: трудяги!), но, должно быть, каждый из них думает о мастерстве своих легендарных предков, создававших чудеса из камня. Если считать по рангам, они солдаты, но не зря говорят, что в солдатском мундире всегда найдется место для маршальского жезла. Будем надеяться, что это так. А сейчас у них есть главное — любовь и профессия, любовь, крепкая своими традициями и славным прошлым. Пожалуй, не так уж мало, кто бы стал настоящими мастерами.

сколько минут начсбп стоял перед командом.

— Ты знаешь, зачем мы революционно делали? Знаешь? Ни черта ты не знаешь. Делали мы ее и для того, чтобы научиться верить людям. Почему? Ну, тогда бегом, выполняй приказание.

Наш театр креп день ото дня. Труппа пополнилась профессиональными режиссерами, художниками, музыкантами. Появилась у нас и кинопередвижка — крутили фильмы. Нашли новую форму работы — после спектаклей еще одно отделение: «Исполнители из публики».

Накануне трагической гибели Чапаева наша труппа выехала из Лбищенска поближе к фронту, в Сахарово. Там мы и узнали о ночном налете белоказаков. Все артисты и музыканты отправились в строевую часть. В ночь с 5 на 6 сентября мы двинулись в наступление на Лбищенск-Уральск.

В октябре возрожденный театр вновь начал свою работу в частях, переходящих в генеральное наступление. Потом была долгая зима и эпидемия тифа. Я догнал дивизию уже под Киевом. И вновь, теперь уже на Западном фронте, работал наш театр, пока в декабре 1920 года, после перемирия, дивизия не была снята с фронта.

Я часто задумывался: в чем был секрет успеха нашего театра, ведь, честно говоря, играли мы не очень хорошо. Видимо, наиболее верный ответ на этот вопрос дал Дм. Фурманов. Он писал: «Артист, организатор, помощник работников, пропагандист и агитатор, комиссар — все это сливалось прежде всего в одно понятие — боец. Дивизионная труппа и была за то особенно любима красноармейцами, что они чувствовали тут своего же брата бойца, который всегда с ними, а по надобности и вместе идет в наступление».

Песня ПРИЗЫВНИКОВ

В ТЕМПЕ МЯДИ

ПРИ-ЗЫВ-НИК! ВОТ АН ОНО ПОБ, ВОТ АН ОНО ПОБ. НЕ В АН-ДЕРС О КРУ-
ЧИ-НО-Ю. ОНА ХИМ ПИ, МЕН ПИМ НОК ДОН, ВЕС АН ОНО СЕБ-ВАН Ч
ОМ МУЗ-НИ-НИ. ТЕР-ЗЕ ПИТ ДИ-НИ ВОТ АН ОНО КТО НЕ
ВАН АН ОН СМЕТ И НЕ ЗА ВАНТО АН ОН ВАНТО СЛОМ ВАНТО, ТОВА ДОК... АН-
ВАН! ЧТО-ТО РЕГ-ДИМ ОА-НЕ-МОН! ВОТ ТИМ, ВОТ ТИМ,
ВОТ ТИМ, ВОТ! ТЫ ВЕС РЕГ-НИ НЕ ОН-ДАТ.
РЕГ-НИ НЕ ОН-ДАТ.

Слова Юрия КАМЕНЕЦКОГО

Музыка Кирилла АКИМОВА

Припев: **Тверже шаг держи солдатский,
И не лажас и кручиною.
Скажем так, без лишних слов,—
Без усов мужичина.**

Припев: **Тверже шаг держи солдатский,
Хоть не выдали сапог.
И не зависть людям шатским
Выдай, братец, толчок.
«Атчик! Что-то, братцы, занемого!»
«Шутни, шутни, шутни, брат!»
Ты без песни не солдат».**

Не видать конца пути,
Службе срок немалый!
Мы готовы все протий,
Выйти в генералы.

Припев.
Старшина как мать для нас,
Хоть суровый с виду.
Если надо — жезли даст,
Но не даст в обиду.

Припев.

СОВЕТЫ ФОКУСНИКА ТАИНСТВЕННЫЕ КОНВЕРТЫ

В девяти конвертах разложено триста рублей (рубля, естественно, условные). Предложите одному из участников игры назвать сумму в целых числах (разумеется, меньшую 300 рублей). Вы сможете выдлать ее, не открывая ни одного конверта.

Понимать, кто-то потребовал 213 рублей. Подаете пять штук конвертов, которые затем присутствующие открывают и находят поочередно:

128+54+15+4+1=213 рублей.

Друзой пожелал получить 293 рубля. Тогда вы сами, даже не выбирая, получаете кому-нибудь взять три из лежащих друг на друге конвертов, а в оставшихся шести находится желаемая сумма.

Идея фокуса очень проста. Различные суммы размещаются в этих девяти конвертах особым образом. А именно: нужно в восьми конвертах разложить деньги таким образом:

- Конверт 1 — 1 рубль
« 2 — 2 рубля
« 3 — 4 рубля
« 4 — 8 рублей
« 5 — 16 рублей
« 6 — 32 рубля
« 7 — 64 рубля
« 8 — 128 рублей.

В девятом, который, чтобы не разгадали сразу порядок расположения конвертов, можно положить, скажем, над первым, между четвертым и пятым или в другом месте, помешается все оставшееся деньги, то есть восемь пять рублей.

Этот фокус основан на том, что из разных степеней числа 2 можно составить любое число, не превышающее сумму этих степеней. Распределенные же по восьми конвертам суммы действительно составляют ряд:

- 2⁰, 2¹, 2², 2³, 2⁴, 2⁵, 2⁶, 2⁷,

а значит, из содерсжащих восемь конвертов можно составить любое требуемое число от 1 до 255. Если же названное число превышает 255, то для расчета используется девятый конверт с соргожа пятью рублями.

СКОЛЬКО ВЕСИТ ЦИСТЕРНА С ГРУЗОМ?

Специальная цистерна для перевозки газа весит 10 тонн, ее емкость — 50 кубических метров. Сколько будет весить цистерна, груженная водородом, кубический метр которого весит окруленно 100 граммов?

ЗДРАВСТВУЙТЕ.

Юмористический рассказ

Вновь назначенный управляющий вызвал нас к себе и сказал: — Сегодня утром в коридоре я поцеловался с вами, а вы даже и бровями не повили. Стало ясно, товарищи! Мы вернулись в отдел и сообщили своим коллегам, что новый начальник при встречах здоровается с поцелованными, а не смотрит в потолок, как наш прежний руководитель. Одно из друзей в молчаливом управляющий работала конференсье, или ему назначили и зарплате спецназначу за культурное обращение. В тот же день на доске приказов появилась бумажка: «Инженер отдела главного механика тов. Иванов не пожимает протягивать моей руку. Объявлено тов. Иванову выговор за нетактичное поведение». Это был первый приказом намечающихся перемен

в нашем тресте. За многие годы руководства бывшего управляющего — ныне ушедшего на заслуженный отдых — у нас выработались свои привычки. Мы стали гадать, кого похватит, кого наградают, а кто уйдет из треста по собственному желанию. Первым кандидатом был, конечно, инженер из соседнего отдела — этот бедняга Иванов. Так и случилось. Иванов быстро схлопотал себе второй выговор за то, что по привычке отвернулся, когда управляющий появился с ним. Не дожидаясь третьего выказания, Иванов подал заявление об уходе «по собственному». Мы сидели в своей комнате, старались не выходить в коридор, чтобы не нравиться на соборный день нового управляющего. В туалет или столовую брали с собой провизоматог из тех, кого управляющий уже видел. Провизоматог шел чуть вперед,

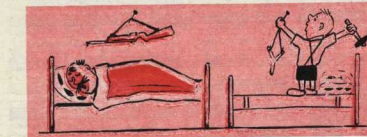
осматривал местность и подавал нам знанию рукой. Все, как один, мы подали заявление в вечерний университет культуры, чтобы в случае чего представить справку о повышении культурного уровня. У каждого из нас была семья, и никому не хотелось терять место. И вот новый приказ управляющего окончательно убедил нас, что наступила новая эпоха. «Экономист планового отдела тов. Брут за последние две недели ни разу не допустил нетактичного поведения. Постоянно отвечает на мой приветствие — устные и рукопожатия. Объявлено тов. Бруту благодарности с занесением в личное дело». Но это еще не все. Под названием управляющего профком отменил Брута бесплатную путевку в санаторий на Южный берег Крыма. Мята после такого приказа стало немного легче. И мы уже так не боялись за свои привычки,

считавшиеся отныне прерогативами. Некоторые сразу же перестали посещать университет культуры; к нему попусту тратить время на слушание всяких лекций? Работники нашего отдела по два, в то и по три часа торчали в коридоре, чтобы

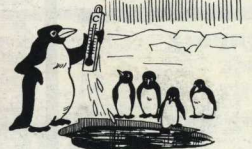
здороваться с новым управляющим. По расчетам выходило, что экономист ухаживал в Крым за четырнадцать «здравствуйте», если она не здоровалась дважды в день. Конечно из нас уже никто не списал счет по три и даже по четыре ответа на приветствие управляющего. Приблизилось лето. В профкоме были бесплатные путевки и путевки с огромной скидкой. Неомедленно мы обнаружили, что работник сектора учета, ранее незаметный и невидимый Филищин, стал являться в трест на почасовых работах, первыми встречая управляющего в коридоре и уже набрав орденства «здравствуйте». На следующий же день Филищин увидел себя себя все, как он дел, выстроившийся у стены. Мы тоже ждали появления управляющего и, когда он возник в дверях, грохнули: — Здравия желаю, товарищи начальники! Управляющий обошел всех нас и каждому иррепно пожал руку. Так повторилось и на следующий день. А еще через день Филищин, который опять потерпел в общей массе, вдруг крикнул новому управляющему: «Ура!» Вечером того же дня Филищин улетел в крымский санаторий. Мы пошли по пути Филищина, но, сколько мы ни кричали «Ура!», никто из нас не получил даже благодарности в приказе. Более того, когда дело дошло до отпуска, каждый пополнил путевку за свои ирроны. Мы сами вынуждены, потому что своим поведением испортили все дело. Управляющий просто привык и нашим возгласам, к нашему линейному. Не только «Ура», но и бурные, долго не стихающие аплодисменты он ставит в счет нормальных приветствий.

Рисунок К. БОРИСОВА

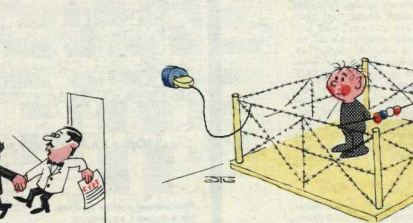
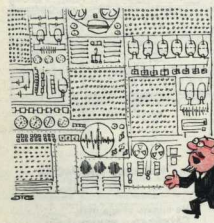

БЕЗ СЛОВ. Рисунок А. ДЕМИНА

ПОЖАЛУБ, МОЙНО!

Рисунок Б. МАРЧЕНКО

— А ВОТ МЫ СЕЙЧАС, ВАТЕНЬКА, ПРОВЕРИМ!

БЕЗ СЛОВ. Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-31-87; отдел литературы и искусства — В 8-61-83; отдел отчетности — Д 3-31-03; международная линия — Д 3-31-50; фотостудия и спорна — Д 3-30-87; Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-66; информация — Д 3-31-69; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редакколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. И. Замощкин, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), Р. Ф. Казанова, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Куликов, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Оформление В. Соколова.
Технический редактор Н. Вудкина.

А 02223 Подписано к печати 3/II 1965 г.
Тираж 900 000 Изд. № 329.
Заказ № 81 Формат бумаги 70х108/16.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Иллюстрации: А. Демина, Б. Марченко, О. Теслер, К. Борисов, М. Сегерина, фото И. Сегерина.

АЛЬБОМ Гурьевозов

В штате Алабама (США) суд приговорил одну студентку к денежному штрафу в 50 долларов с зачетом 15 дней тюремного заключения за то, что она во время предвыборной кампании бросала в кандидата республиканской партии Вальтера Годдоттера яйца. Суд начал штрафовать ее поступок как неэтичное поведение, а не время как доказательство, что с ее стороны это была симпатичная реакция.

Венский водитель такси Адольф Гитлер уже десять раз обращался с просьбой разрешить ему завести яма и фамилию. Бывало, что отказывали, но однажды раз, однако, он получил отказ на том основании, что не ясно, почему, собственно, он хочет, чтобы его звали иначе.

Одна американская фирма, производящая дамские чулки, устроила конкурс на самые красивые ноги. Когда жюри определило победительницу, выяснилось, что отмеченные первой премией ноги принадлежат пятидесятилетнему почтальону.

На перекрестке автострад, в штате Иллинойс, установлен щит с надписью: «Езжайте медленнее. Мы и так перестукаем вашу работу». Гробовщик штата Иллинойс.

Принято считать, что самые веселые люди — это французы. Писательница Колеет доказала это весьма курьезным образом. Недавно на старом парижском кладбище она нашла памятник с надписью: «Иван Иванович, что не стало, чтобы приехать к Вам, когда Вы приблизитесь к месту моего отхода».

Проект нового западноевропейского закона о вине содержит 2700 страниц и состоит из 141 параграфа. Например, параграф восьмой, пункт пятый гласит: «Потребителем вина является тот, кто приобретает вино для его окончательного использования. Окончательное использование вина заключается в употреблении его в непроизводительных, а также других целях, в результате которых вино как самостоятельный продукт перестает существовать».

Установлено, что в США 21 миллион человек держит у себя огнестрельное оружие. Во время 10 миллионов уже пушистых созданий живут без хозяина. Обществу другой кошке обидно, что в американском обществе с призывом испить есть его позорное положение. С этой целью была издана брошюра на 10 страниц, в которой говорится о роли кошки в мировой культуре».

Профессор Нью-Йоркского университета Е. Вантон уже три года занимается исследованием вопроса о том, чем руководствуются олохи при выборе объекта для кусания.

Американский драматург Уильям Теннеси преподнес часть своих рукописей в дар библиотеке университета в текахсонском городе Остине. Однако большинство его произведений вскоре было возвращено с объяснением, что почерк невозможно разобрать.

Международный конгресс по борьбе с шумом, проходивший в итальянском городе Сан-Ремо, вынужден был прервать свои заседания. На соседней улице работала пневматическая гуверьяльная машина, и ее шум заглушал выступления ораторов.

ПРЕЦЕДЕНТ С ДУБИНКАМИ

Англия, пожалуй, единственная страна в мире, не имеющая свода законов. Судьи выносят приговоры, либо руководствуясь прецедентами иной раз многолетней давности, либо здравым смыслом. Иногда при этом не обходится без курьезов. Недавно отбыл свое наказание один футбольный болельщик. Он был задержан полицией на стадионе, когда во всеуслышание выражал свое недовольство, пользуясь, как сказано в протоколе, «веселым крикливым выражением». Судья вынес постановление о лишении футболиста свободы на четыре часа вечера (именно в этот день и суббота по всей Великобритании начинаются футбольные матчи). Вплоть до полицейский участок, где его следовало держать ровно два часа, а затем отпустить с миром. Таким образом он был лишен всего своего любимого удовольствия. Англичане утверждают, что такое «оставление без следствия» является самым неадекватным тюремным заключением. Если бы провинившийся посмел уклониться от исполнения постановления, а с этими вещами в Союединенном Королевстве не шутят, то такой неадекватный тюремный заключением был бы не слишком суровой карой. Нечто похожее случилось прошлой весной, когда

Своеобразную заботу о востребованности для вечности в Уэльсе. Ежедневно на деревьях его конторы по-прежнему остаются надписи: «Ушел обедать. Вернусь в 14 часов. У вас есть еще время поумат?».

Automatic

УТРОМ ПРОСПАЮСЯ...

В США недавно состоялся «Клуб любителей». Каждый член этого клуба должен носить на ладане биржана особый регистрационный знак, на котором указаны его имя, фамилия и домашний адрес.

Мотивируя решение, судья сказал, что не хотел просто наказать виновного (да и вина-то была пустяковая), а прежде всего научить его вести себя прилично. К тому же приговор предусматривал случаи, когда и выпить не грехи на праздник, например, эти дни обвиняемый обязан каждый раз лично являться к начальнику полиции города и получать от него письменное разрешение на выпивку, подробно указав, чего и сколько ему разрешается проглотить за галстук.

Теперь эти приговоры стали прецедентами, и судьи Союединенного Королевства могут, ссылаясь на них, выносить аналогичные решения. Для отмены подобного прецедента требуется специальное постановление парламента.

Иногда случается, что правосудие сталкивается с дано забытыми науками.

Перед самой войной в Лондоне неожиданно сделал карьеру молодой адвокат. Изучая право в Кембридже, он натолкнулся на любопытный прецедент и решил при случае воспользоваться им. Уме первый процесс, на котором пришлось выступить этому юноше, дал ему возможность проявить свои знания.

Судьи пойманного с полицием вора-рецидивиста. Ничем, даже самым маленьким, доводам в пользу подсудимого не было, и суд казался простой формальностью. Обвиняемый мрачно выслушал обвинительное заключение, а как только чтение закончилось, поднялся и шершавый и когам прокурора старую перчатку.

Адвокат старуху перчатку, что его клиент настолько возмущен несправедливым обвинением, что требует «суда боже». Причем прецедент был в тысячу раз давнее, чем то, что (по мнению, адвокат привал тут точно) и был разнесен по делу на дубинах между обвиняемым и королевским шерифом. Дубинки пригрозил, господин прокурор, будет любезны!

Проверка показала, что действительно в тысячу раз давнее это само гошу пошленье, пошленье и прецедент с тех пор нимем не отменили. В результате подсудимого отпустили «за неконкретность обвинения», а находчивый адвокат, позабывшийся, чтобы репортёры как следуют распаскали дело, сделал на нем сенсацию, привлекая к нему множество клиентов.

Конечно, парламент тут не отменил этот прецедент, судьям, но что знает, сколько таких наузов еще дремлет в недрах архивов, дожидаясь находчивого человека, который сумеет извлечь из них пользу.

— А НОГ У НЕЕ, БРАТЦЫ, ВОСЕМЬ...

Г. КАЛЬ

...И МАСТЕРСТВО МОДЕЛЬЕРА

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА

то нужно для того, чтобы стать чемпионом? «Много», — смеется, отвечая на этот вопрос, любой болельщик. — И высокое спортивное мастерство, и крепкие мускулы, и воля к победе, и...» И спортивный костюм. Легкий, удобный, красивый, добавим мы.

Да, костюм! Это можно подтвердить документально. В Доме моделей спортивной одежды нам показали письмо Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. Знаменитые олимпийские чемпионы горячо благодарят коллектив Дома за великолепные костюмы, которые помогли им завоевать золотые медали на соревнованиях по фигурному катанию в Инсбруке.

К лицу пригласил наших спортсменам и изготовленная Домом моделью олимпийская парадная форма. Это отметили многие спортивные обозреватели на XVIII Олимпийских играх в Токио.

Сами работницы Дома моделей весьма смирно оценивают свою работу. — Сделано пока что очень и очень немного, — говорит Александр Дитричев Кулаков. — Мы ведь еще только «новорожденные».

Директор прав. Но только в одном. Дом моделей действительно совсем недавно вышел из «молбытели». А вот в отношении сделанного...

Перед нами красиво оформленный журнал «Мода, молодость, спорт». Первый его номер, подготовленный Домом моделей, был раскуплен за несколько дней. И, конечно, не для того, чтобы просто лечь на журнальные столы. Элегантные костюмы, куртки, свитеры уже сошли со страниц, обрели плоть в плетоне готовых изделий фабрик, мастерских, ателье. В самом Доме моделей тоже открыт чек массового пошива спортивно-бытовой одежды.

Сейчас готовится второй номер журнала, и весне — лету 1965 года. Третий выйдет к осени — зиме. На столах художников-модельеров всевозможные наброски, эскизы. В комнате не утихают споры. Какие направления получат моды в будущем сезоне? Что хотели бы носить спортсмены? Каковы требования торговых организаций?

По утверждению художественным советом планы в 1965 году Доме моделей должен разработать около четырехсот новых моделей спортивно-бытовой одежды. Дело это не простое, оно требует не только опыта, знаний, но и распорядка, выдержки. Нельзя, сидя в четырех стенах и обложившись литературой, создать новое, оригинальное, красивое, а главное, нужное. Интересные находки, решения прежде всего подсказываются жизнью. Надо как можно чаще встречаться со спортсменами, прислушиваться к их советам и пожеланиям. И так уж заведено у художников-модельеров: проходит в Москве какое-нибудь интересное соревнования — обязательно побывать, посмотреть, поговорить с участниками. А то и просто поехать в спортивный коллектив. Ну и, конечно же, Самуил Колясников, или легкой атлетикой, как Надежда Большунова.

Все в этой небольшой творческой группе — и Нина Блужина, и Виктор Дыминский, и Вера Выховская — в разное время окончили один и тот же факультет прикладного искусства Московского текстильного института. Все достаточно квалифицированные специалисты. Но никто не мыслит своей работы без дальнейшей учебы. Без творческого и профессионального роста. Художественный руководитель Дома моделей Галина Александровна Чернышева требует, чтобы ее товарищи и коллеги, особенно не так давно оставшие студенческому скамьям, не замыкались лишь в кругу своих неподвижных, отправляясь на выставку живописи! — частенько слышат от нее Тамара, Надежда, Нина, Илья: «Рисуйте, больше рисуйте!» И модельеры охотно следуют этому совету. На стенах мастерской мы видели живые, выразительные этюды.

Все это помогает найти и красоту линий, и гармонию конструкции и цвета, и сочетание красок.

Спорт — это здоровье, сила, молодость. Они красивы сами по себе. Но искусство художников-модельеров может немало добавить и этой естественной красоте. Как и всякое другое, оно призвано приносить людям радость.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Спортивное полушубато, двустороннее. Реконструируется шитье из ватета в клетку (с одной стороны) и плащевка (с другой). Застежка — «молния». Автор — Т. Колесникова.

Мужская куртка из водоотталкивающей ткани. Куртка отстрочена. Автор — В. Дыминский.

Индекс 70820

Цена номера 20 коп.